

XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК. СЕКЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ *

16—23 августа 1970 г. в Москве проходил XIII Международный конгресс исторических наук. Свыше трех тысяч его делегатов представляли ученых из пятидесяти стран. Торжественное открытие конгресса состоялось 16 августа в Кремлевском Дворце съездов. Вступительной речью конгресс открыл президент Международного комитета исторических наук (МКИН) *Поль Арсен* (Бельгия). Затем слово было предоставлено заместителю Председателя Совета Министров СССР академику *В. А. Кириллину*, который огласил приветствие конгрессу Председателя Совета Министров СССР *А. Н. Косыгина*. «Ваш конгресс,— говорится в приветствии,— происходит в знаменательный год, когда все прогрессивное человечество отмечает столетнюю годовщину до дня рождения великого мыслителя и революционера Владимира Ильича Ленина, деятельность которого знаменует поворотный пункт в мировой истории в пользу трудящихся масс». Было оглашено также послание конгрессу генерального секретаря ООН *У Тана*.

Затем выступили вице-президент Академии наук СССР академик *А. М. Румянцев*, который в своей речи пожелал участникам конгресса плодотворной работы, председатель исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся *В. Ф. Промыслов*, тепло поздравивший гостей столицы с началом работы всемирного форума историков, и председатель Советского оргкомитета конгресса академик *А. А. Губер*.

С докладом «Ленин и история» на первом пленарном заседании конгресса выступил академик *Е. М. Жуков*.

Дальнейшая работа конгресса проходила в здании МГУ на Ленинских горах. Заседания секции древней истории состоялось 18—21 августа. Председательствовали на заседаниях: *Э. Кондураки* (Румыния), *А. Ван Эффентер* (Франция), *П. Олива* (Чехословакия), *Б. Б. Пиотровский* (СССР) (вице-председатели: *И. Бежуньска-Маловист* — Польша, *М. А. Коростовец* — СССР, *С. Кац* и *Т. Р. С. Броутон* — США, *И. Ивамура* — Япония, *М. Петрошевский* — Югославия). Заседания секции неизменно собирали большую аудиторию.

Порядок работы был принят следующий: ввиду того, что представленные заранее тексты докладов были опубликованы заблаговременно¹, каждый докладчик во вступительном слове коротко излагал свои основные положения. На первом заседании после выступлений докладчиков состоялась дискуссия экспертов, выбранных на основе предложений национальных комитетов, затем — открытый обмен мнениями. На остальных заседаниях открытое обсуждение каждого доклада происходило сразу после выступления докладчика.

* Предлагаемый отчет знакомит читателя с работой секции. Он содержит краткое изложение обсуждавшихся докладов и замечаний, сделанных выступавшими на заседаниях. Сообщения и выступления, переданные в секретариат секции лишь в письменном виде, в настоящем отчете не излагаются. Из-за недостатка места пришлось также опустить ответы докладчиков на вопросы и замечания. Отчет составлен по текстам докладов, протоколам заседаний и материалам секретариата секции древней истории конгресса.

¹ Опубликованные доклады изданы отдельными брошюрами (М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1970) в оригинале и в русском переводе (не всегда, впрочем, вполне удовлетворительном).

Заседание 18 августа было посвящено обсуждению проблемы политического равновесия в странах древнего Средиземноморья, которая была избрана в качестве основной или «большой» темы работы секции.

Первым выступил *П. Тревес* (Италия) с докладом «Проблема политического равновесия в классической древности» (*P. Treves, Balance of power politics in classical antiquity*).

Докладчик охарактеризовал предмет как оставшийся вне поля зрения историков — как древних, так и современных. Древние, обращаясь к политике равновесия сил, не задумывались о ее теоретических основах; историческая наука нового времени, развивавшаяся под обаянием идей «национальности», «национального единства», искала те же идеи и в древности, подгоняя историю Греции и Рима под шаблоны политического мышления Европы XIX в. Это был, подчеркивается в докладе, вопрос не только методологии, но и идеологии. Редкие исключения были нехарактерны для основного направления развития историографии.

С космическим веком и поворотом к политике «биполярности», продолжает докладчик, пришло время для попытки истолкования античной истории в категориях политики равновесия сил. Речь, предостерегает он, идет не о том, чтобы втискивать эту историю в чуждые ей схемы (как в случае с национальной и объединительной идеологией прошлого века), но о том, чтобы произвести опыт иного типа реконструкции, опыт который показал бы, сталкивались ли древние на каких-то поворотных пунктах их истории с принципами равновесия сил и стремились ли к осознанию их применению или нет, плодотворно ли приложение этих принципов к древней истории в отношении как общего метода исследования, так и конкретных его результатов.

Здесь докладчик оговаривает, что употребляет термин «равновесие сил» в отличном от традиционного смысле, связывая его (в духе «философии диалога» Г. Калоджеро) с осознаваемой необходимостью поисков некоего *modus vivendi* с партнером, которого нельзя одолеть. Такое понимание равновесия сил предполагает в качестве предпосылки возникновения той или иной его формы известный исторический опыт — опыт столкновений, в ходе которых противники осознают невозможность полной победы и полного поражения. Такого опыта не могло быть у греков до Персидских войн или у римлян до завоевания почти всего Аппенинского полуострова.

С греко-персидских войн и начинается докладчик свой обзор основных поворотных моментов древней истории, который здесь может быть изложен лишь в самых общих очертаниях.

По мнению докладчика, греки, оказавшись перед лицом персидского нашествия, после первоначальных страхов убедились в том, что политика активных военных действий против персидской державы может иметь успех, но что в долговременных расчетах ее нейтрализация может оказаться более выгодной, чем ее разгром. Какое-то время сотрудничество против Персии служило основой для попыток достичь взаимопонимания между Афинами и Спартой. События начала Пелопоннесской войны имеют смысл лишь при условии нейтрализации Персии. Отсюда докладчик заключает о реальности мирного договора с Персией в середине V в. (соблюдавшегося всеми сторонами) и о том, что греки мыслили в категориях равновесия сил даже во время «братоубийственной» войны. «Ничейный» исход ее первого этапа подтвердил действенность этой политики, открыв Афинам лучшие возможности экспансии на Запад (единственное, оставшееся открытым направление).

Все это кончилось с провалом Сицилийской экспедиции и возобновлением войны. Спарта обратилась за помощью к Персии. Нарушение равновесия сил, отозвавшись на внутренних фронтах, обрекло на гибель и афинскую демократию и само — достигнутое такой целью — верховенство Спарты в Греции. «Печальнейший период греческой истории, наиболее скудный идеями в области практической политики», совпал с разрушением равновесия сил, на место которого пришло неравновесие, основанное на непостоянстве поддержки персидским царем одних греческих городов и коалиций против других. На этом фоне политика Демосфена может быть осмыслена лишь как попытка, нейтрализовав Персию, восстановить равновесие сил внутри Греции. Но время для этого было упущено, Филипп уже рвался к гегемонии над всем полуостровом.

Рассматривая противоречия политического развития эллинистической эпохи, докладчик полагает, что если в отношениях греческих полисов между собой и с внешним миром принцип равновесия сил в это время не прослеживается, то он ясно виден в отношениях династов эллинистического мира, не пытавшихся (при всех войнах) перекартировать карту Европы и Азии, работавших неписаный этикет «джентльменской» политики и предполагавших то же в других. Отсюда — их грубый просчет в столкновении с новой силой — Римом.

Поражения Пирра и Ганнибала (которого докладчик считает политиком эллинистического толка, стремившимся к ограничению сферы влияния Рима хотя бы Аппенинским полуостровом) знаменовали конец системы равновесия сил в рамках Средиземноморья и эллинистического Востока (как поражение Демосфена — в масштабах Греции). Победители чувствовали себя призванными владеть миром.

Новый поворот политического развития древнего мира докладчик связывает с отказом Августа от планов войны против Парфии и провозглашением эры *Pax Augusta*. Но ни Август, ни его преемники не могли проводить политику войны или мира достаточно последовательно. Политика равновесия сил определяла внешнюю политику Империи, поскольку почти все императоры старались избежать осложнений с Парфией и с германцами, приводивших — всякий раз, как они возникали, — к тушику или к катастрофе. Но внутренняя логика строя Империи требовала военных лозунгов и заставляла бояться мира (как признака слабости или зародыша *hybris*). Далее докладчик говорит о «чувстве границы» как важном аспекте истории Римской империи и единственном реальном для римлян аспекте терпимости (которая «не могла укорениться в классовом обществе или рабском хозяйстве») как об осознании того, что за слабо защищенными границами Империи существуют народы, племена и царства, доказавшие свою силу, искать соглашения с которыми столь же необходимо, сколь и невыносимо. Противоречие между философией Империи (мирового царства) и ее реальностью оставалось неразрешимым.

Это противоречие нашло себе отражение в римской мысли: в отчаянии Тацита и в диагнозе Лукана, неосознанно сформулированном «в категориях равновесия сил». По Лукану, гибель Красса при Каррах, нарушившая непрочное равновесие триумvirата, развязала гражданскую войну, а победа Цезаря при Фарсале стала концом всему, изгнав *libertas* из римских пределов — за Тигр и Рейн, где она и обрела прибежище.

С охарактеризованным противоречием прямо связана гибель Римской империи, и, если Бури говорит, что Риму «не хватило нервов» для разрешения противоречия между империей и империализмом, то докладчик предпочел бы (в согласии с Луканом) сказать, что Риму «не хватило свободы».

Подводя итоги, докладчик приходит к выводу, что такое явление, как политика равновесия сил, действительно бывало в истории классической древности и что поэтому изучение древней истории также и в этом аспекте допустимо и полезно. Он считает также, что политика равновесия сил, которую не следует излишне идеализировать как политическое благо *per se*, была в древности «формой и силой свободы».

Второй докладчик Ж. Валле (Франция), определяя свою тему — «Греческая колонизация на Западе» (G. Vallet, *La colonisation grecque en Occident*), — оговаривает, что территориальное ограничение исключает анализ явления колонизации в целом, а ограничение времени (эпоха архаики) не позволяет без известной натяжки привязать эту тему к проблематике основного доклада. Цель докладчика — указать на порожденные выводом колоний на Запад новые формы отношений — как внутри греческого мира, так и между греками и местным населением.

Докладчик начинает с указания на два основных типа колоний: «колонии для заселения» и торговые колонии.

Переходя к проблемам, связанным с первым из этих типов, он отмечает, что греки не выводили колоний в области с развитой политической организацией — такие, как Этрурия, Западная Сицилия (находившаяся под влиянием Карфагена) и т. п. Греки находили для колоний «незанятые» земли на побережье с большими (по их понятиям) пустыми пространствами в непосредственной близости от города. (На примере Мегары Гиблейской можно видеть отсутствие предсуществовавших структур: сети дорог, парцеллярного землеустройства и т. п.) В глубине страны — на холмах и плоскогорьях — располагался туземный мир, отношения которого с греческими городами принимали разные формы. Таким образом, новый город не был изолированным элементом, вводимым в сердце чужой страны, а полис и хора изначально были органически связаны между собой.

До недавнего времени считалось, что для греческой мысли и греческого права (в отличие от римского или современного) понятие территории было несущественным, а отчетливая граница между городским и сельским элементом отсутствовала. Это объяснялось продолжением догреческих. Колонизация, говорит докладчик, заставила греков осознать проблему территории (хоры). Второй момент, на который он указывает: новый город принимал свою форму, не будучи стеснен ничем и широко используя пространство. Отсюда — ускоренное структурирование города и появление регулярных планировок (что вовсе не предполагает обязательно существование плана как такового). Эти два элемента колонизационного опыта (создание нового города и новое осмысление понятия территории), несомненно, имели отзвук в самом греческом мире.

От проблем, связанных с землей и возникновением города, докладчик переходит к проблемам, связанным с морем и возникновением новых торговых связей. Связи между греческим миром и Западом существовали еще в микенское время (микенские торговые фактории в Сицилии). Для начала VIII в. до н. э. (т. е. до основания первых колоний) есть следы греческой морской торговли («эвбейско-кикладские» сосуды, найденные в Кане и Риме). Плавали к Южной Италии и финикийцы. Однако колонизация, в ходе которой греки обосновались на Западе, знаменует поворотный момент и в развитии морского сообщения. Она создала совершенно новые типы обмена и торго-

вые потоки (как и районы преобладания торговли определенного города или группы городов).

Массовый ввоз керамики (в основном коринфской) в колонии Ионийского побережья и Восточной Сицилии в течение всего VII в. до н. э. заставляет предположить уже для начала VII в. организованное ремесленное производство в Коринфе, безопасность плавания на Ионийском море и существование обеспеченного рынка большого размаха. Именно к этому времени (а не к середине VI в., как казалось до сих пор) следует отнести изменение структуры греческой торговли на Западе: переход от торговли предметами роскоши к торговле предметами массового производства. Показательно, что обмен типа, связанного обычно с денежным обращением, развивался еще до появления настоящей монеты. Очевидно, керамика служила в то же время монетой, которой Коринф оплачивал хлеб из Сицилии или Италии и фрахт судов.

Что касается торговых потоков, то — помимо упомянутого уже преобладания коринфян на ионийском побережье — известна роль, какую играли на Тирренском море торговцы с Эвбеи и островов, затем (во второй половине VII в.) сами этруски, затем фокейцы, затем, наконец, организация, которая, как кажется, доставляла сюда в 540—480 гг. до н. э. афинские товары. Известны, наконец, конфликты, родившиеся из соперничества: например, между фокейцами и этрусками (союзниками карфагенян) к моменту битвы при Алалии, не говоря уже о конфликтах более поздних, начавшихся с конца VI в. и относящихся, по сути дела, уже к другой эпохе.

Далее докладчик отмечает, что вывод колоний требовал определенной организации на самых различных уровнях, в чем видит новый момент в складе мышления греков VIII в. до н. э. Известны также случаи совместного вывода колоний несколькими городами. Отсюда, однако, не следует, что колонизация может рассматриваться как целостное явление — об этом свидетельствует вся ее история и, в частности, отношения с местным населением.

Эта проблема — одна из наиболее разрабатываемых сейчас. Отвлекаясь от трудностей исторического истолкования археологического материала, можно сказать, что эти отношения зависели в значительной мере от характера колонии. Фокейские колонии были торговыми колониями. Поэтому, например, экспансия Массилии распространяется по морю, а не в глубь страны. «Бахрома» эллинизации вокруг этих колоний — явление более позднее и стоит в иной исторической связи. «Колонии для заселения», напротив, нуждаются в землях и людях для их обработки. Здесь докладчик приводит пример экспансии Сиракуз, направленной в глубь страны и сопряженной с прямым порабощением сиккулского населения. Между этими двумя крайними точками размещалась вся гамма промежуточных отношений, для понимания которых нужно учитывать политические и социальные структуры метрополий (изначально определяющие тип колонии и характер эксплуатации колонизируемого района), равно как и социально-экономические структуры местного населения (Тарент не осуществлял территориальной экспансии, но не говорит ли это прежде всего о «неподатливости» Апулии). Важную роль играло также неравенство культурных уровней.

Переходя к проблеме отношений между «колониальным» и собственно греческим миром, докладчик, ссылаясь на новые исследования, указывает на существование — в области искусства — своего рода западной койне, имеющей общую эволюцию; взаимопроизношение влияний внутри колониального мира оказывается важнее традиций, идущих от метрополии.

В заключение докладчик останавливается на результатах последних изысканий в Метапонте (где обнаружены следы древнего размежевания участков — нечто подобное херсонесским клерам) и в Мегаре Гиблейской (где установлена регулярная планировка, причем здания VIII в. до н. э. ориентированы так же, как основная застройка VII в.).

Доклад В. Сестона (Франция) «Римское гражданство» (W. Seston, La citoyenneté romaine) ставит своей задачей наметить — в самом схематичном и суммарном виде — несколько основных аспектов изучения предмета современной наукой и предложить некоторые решения, подсказанные новыми источниками.

Система гражданских прав, присущая исключительно Риму и составлявшая его силу, должна быть изучена в ее историческом развитии — анализ, использующий современные понятия или термины, был бы ложным. Книга А. Н. Шервин-Уайта о римском гражданстве (1939) разрушила общепринятую до того статичную схему Моммзена и впервые представила систему римского гражданства развивающейся, применяющейся к эпохе и гибкой. Дальнейшие изыскания отталкивались от этого исследования.

Для первоначальной стадии развития, считает докладчик, ничто (ни религия, ни социальная обстановка) не дает нам указаний на направленную против кого-нибудь исключительность гражданства или на формальную фиксацию природы этого института. На более твердую почву мы становимся, встречая термин *civis* в законах XII таблиц. С самого начала римское гражданство имеет личный характер — не территория фиксирует статус *civis Romanus*, а право; совокупность прав римского гражданина перемещается вместе с ним за пределы коллектива, где он проходил ценз. Столе-

тиями позднее романизация происходит в виде распространения определенного комплекса прав, закреплявшегося за личностями и коллективами. Последствия всего этого были существенны: римляне выбирали тех, кого хотели включить в свою общину, тем самым раскалывая правящие элиты своих союзников: они то предоставляли свое гражданство в вознаграждение за оказанные услуги, то навязывали его побежденным, чтобы подавить устремления к независимости.

Докладчик специально останавливается на проблеме *civitas sine suffragio* — института, появление которого связано с римской экспансией. Сопоставляя данные письменных (Liv., 5, 50, 3; Gell., 16, 13, 7) и эпиграфических источников (надпись 14 г. н. э. из Эррера де Писуэрга) (ср. также Polyb., III, 24 и Dion. Hal., 14, 6, 9), докладчик заключает, что в основе *civitas sine suffragio* лежит *hospitium*, понимаемое как предоставление *civitas honoraria*, т. е. права пользоваться на территории даровавшей его общины правами, принадлежащими ее гражданам. Такое «почетное гражданство» не подменяет и не «дублирует» другого гражданства: оно потенциально. Статус жителей Цере — первых *municipes sine suffragio facti* — мог быть лишь статусом *civitas honoraria* с исключением из военной службы и из числа политически активных граждан. Разделяя с полноправными гражданами их *munera*, цериты были *municipes* за три века до того, как сложились цизероновское понятие *municipium*. Почетное гражданство государства — гегемона Лация представляло политическую, военную и экономическую защиту, требуя взамен отказа от большей части независимости. Не все общины поэтому желали римского гражданства. Переход от *civitas sine suffragio* к *civitas Romana optimo iure* (коллективный или индивидуальный — после многолетнего стажа) требовал решения сената и римского народа.

С начала III в. до н. э. Рим не создавал более *civitates sine suffragio*. Распространение получила муниципальная система. Во времена Грахов римское гражданство предоставлялось магистратам латинских колоний после исполнения ими своей должности, в 123 г. rogatio Гая Граха предлагала отказывающимся, взамен римского гражданства, право *provocatio ad populum*. Все эти адаптации римского гражданства к политическим обстоятельствам подтверждают положение о подвижности и относительном содержании этого института. После распространения гражданства на всю Италию появляются римские граждане, приписанные к римским трибам и проходящие ценз независимо от пребывания в Риме, но несущие *munera* в собственных городах. Это порождает новые проблемы: распределения новых граждан по трибам, автономии и «двойного гражданства».

Этот последний вопрос, дискуссионный в современной науке, и рассматривается во второй половине доклада с связи с историей римского гражданства начиная с конца Республики.

Понятие *civitas honoraria*, стоящее у начала долгого развития римского гражданства, вызванного нуждами его экспансии, было известно и грекам (проблема римских заимствований у греков должна быть поставлена и здесь). Ни у греков, ни у римлян «Doppelbürgerschaft» тут нет. Но глубокая оригинальность римского гражданства прежде всего в том, что оно, не переставая быть римским, могло иметь различное содержание, в зависимости от того, жил ли *civis Romanus* в Риме или вне его. В муниципии римский гражданин, не будучи гражданином города, жил в соответствии с правом этого города. Так же обстояло дело и в союзных городах. Это положение отразилось в Цицероновой теории двух родин (De leg. II, 5): «у всех жителей муниципиев... — две родины: одна по рождению, другая по гражданству», но «первая лишь входит как часть в состав второй», так что гражданин считает свою *civitas* единой. В соответствии с этим представлением свободные или союзные общины должны были принимать как должное, что все относящееся к суверенитету Рима как государства подлежит компетенции римского сената и народа. Муниципальная автономия сводилась лишь к некоторым традициям, касавшимся магистратур или частного права. В эпоху Империи муниципальные законы редактировались в императорской канцелярии — сила местных прав и обычаев постепенно уменьшалась. «Иерархия» городов становилась чисто почетной, теряя реальное значение; повсюду развивалась социальная классификация, выделявшая имеющих римское гражданство (милость, предназначенная императорами для местной элиты) из общей массы.

Такое развитие прерывается эдиктом Каракаллы. С этого времени политическое единство римского мира изумляет нас величественной простотой. Впрочем, древние воспринимали эдикт Каракаллы иначе: они видели в нем фискальную меру (Дион Кассий), или коварную уловку императора (SHA), или, наконец, завершение земного града (Августин).

Присоединяясь к Хр. Зассе, считающему, что *deditioni* были исключены из числа пользовавшихся собственным правом, а не из римского гражданства, докладчик предлагает (опираясь также на *tabula Banasitana*) свое восстановление P. Giessen. 407-s: [μ]ένοντος [πάντος δικαίου τῶν πολιτευο]μένων γορ[ί]ς τῶν [ἐ]ξωτερικῶν.

Касаясь проблемы существования местного права в провинциальных общинах после эдикта Каракаллы, докладчик показывает, что это право могло существовать лишь подтвержденное римским законодательством, т. е. внутри римского гражданства. В дальнейшем развитии на протяжении III в. местное право вытесняется римским.

Заключает докладчик утверждением, что для римлян никогда не существовало никакого гражданства, кроме их собственного, но оно было столь гибкой концепцией, что допускало множество *leges* и *iura* в соответствии со всем разнообразием местных традиций. В этой особенности римского гражданства он видит один из «секретов» Империи.

После выступлений докладчиков слово было предоставлено экспертам.

Х. Серра Рафольс (J. Serra Rafols, Испания) остановился на некоторых вопросах истории Пиренейского полуострова в связи с проблемой равновесия сил в античном мире. Испания, говорит он, вошла в этот мир в III в. до н. э., хотя полная инкорпорация произошла позднее. Римское завоевание оказало большое влияние на развитие политического строя (в первую очередь в иберийских районах) и на баланс сил на территории Испании. Х. Серра Рафольс затронул также проблему греческой колонизации на Пиренейском полуострове.

Д. П. Каллистов (СССР), воздав должное оригинальности построения П. Тревеса, критиковал основные положения его доклада. Исторического опыта, который наталкивал бы на поиски *modus vivendi* в отношениях с противником, не могло быть ни у греков и персов в V в. до н. э., ни у македонян в IV в., ни у поколений, живших после разгрома Ахеменидов и возникновения «мировой державы» Александра. Д. П. Каллистов оспаривает и многие конкретные примеры докладчика. Так, Афины и Спарта пришли к военным столкновениям уже в 457 г., задолго до мира с персами; во время Пелопоннесской войны стороны с самого начала стремились к уничтожению противника; германцы, не изжившие еще племенной раздробленности, не могли проводить общей политической линии в качестве партнера Римской империи. Лишь в отдельных эпизодах античной истории (взаимоотношения греков и Персии после Каллиева мира или Рима и Парфии) можно видеть реализацию принципа равенства сил, но вряд ли она была сознательной и вряд ли эти факты дают основу для обобщающих выводов. Обращение докладчика к античности в связи с вопросами, поставленными современностью, понятно и имеет многовековую традицию, но абсолютизация одного — внешнеполитического — фактора едва ли может быть признана достаточно убедительной.

К. Николе (C. Nicolet, Франция), говоря о докладе Сестона, указал на связь его темы с проблемой внутреннего равновесия в Римской империи и отметил оригинальные решения, предложенные докладчиком. Так, рассматривая римское гражданство в перспективе греческих международных институтов (исополития), показывая, что предоставление гражданства иностранцам имело исходный пункт в *hospitium*, и, наконец, сопоставляя «*civitas honoraria*» надписи из Эррера де Писуэрга с «*participes muneris honorari*» Геллия (16,13,6), докладчик приводит к заключению, что иностранец мог стать также римским гражданином, но не наоборот — и лишь в этом смысле можно говорить, о «двойном гражданстве». Интерпретация статуса церитов в Риме позволяет понять текст Псевдо-Асония об эрариях как гражданах, «исключенных из списков их центурий». Сохранение Римом «местных законов», отмеченное также Дионом из Прусы (41,9: ... *ἀπὸν φυλάττωσιν τὸ δίκαιον*), хорошо согласуется с предложенным В. Сестоном восстановлением Р. Giessen. 40₇₋₈. Гибкость, с какой Рим использовал *ius civitatis*, важна для понимания римского империализма. Наконец, различие между *maiestas p.R.* (высшей сферой суверенитета) и местными *iura* дает понять привлекательность римского гражданства для местных элит. Оно одно до 212 г. открывало доступ к центральной власти (как около 238 г. н. э. лишь *dignitas equestris*, по словам Цензорина, позволяла выйти за пределы «положения провинциала»).

Д. Берчу (D. Bersu, Румыния) соглашается с мыслью П. Тревеса о неприменимости модернизирующих и в то же время субъективных понятий «национальной борьбы» и «национального единства» к древности. Касаясь вопроса о применении принципа равновесия сил в римском мире, Д. Берчу указывает на роль местных сил (иногда уже издавна интегрированных в Империю) в поддержании (и изменении) политического баланса, а также на роль «третьей силы» — мира «варваров». В качестве примера он приводит деятельность гето-дакийского царя Биребисты, который был вовлечен в большую политику Рима (в борьбу между Цезарем и Помпеем) и стремился оберегать свободу своей страны, поддерживая равновесие сил на Балканах и Нижнем Дунае. Равновесие сил в античном мире, считает Д. Берчу, всегда находилось в движении. Равновесие сил с ростом сил «варваров» становилось все более неустойчивым. Конкретные аспекты проблемы, поставленной докладчиком, требуют дифференцированного изучения.

По поводу доклада В. Сестона Д. Берчу говорит о необходимости дальнейшего изучения римского гражданства как фактора романизации.

Ж. Триандафиллопулос (J. Triantaphyllopoulos, Греция) изъясняет желание сделать несколько замечаний, «не критических, а дополняющих», в связи с докладами П. Тревеса и В. Сестона. Ж. Триандафиллопулос считает, что ко II в. н. э., когда Римская империя достигла конечного пункта своих завоеваний, для политики равновесия сил — в ее внешнеполитическом аспекте — не оставалось более места, и она продолжала существовать лишь латентно: в виде сознательно практикуемой Империей политики равновесия для ее подданных. Романизация была орудием этой политики,

нашедшей завершение в *constitutio Antoniniana* 212 г. Римское право, таким образом, становится великой силой политики внутреннего равновесия Империи и силой римской культуры. Ж. Триандафиллопулос говорит также о вкладе Рима в культуру Греции (обычно говорят об обратном) и о проявлении целей политического равновесия во взаимопроникновении культур.

Э. Кондураки (Em. Condurachi, Румыния) в своем выступлении коснулся — в связи с проблемами, затронутыми в докладе Ж. Валле, — отличительных черт греческой колонизации в Причерноморье. Греческий город здесь располагался не в «свободном пространстве», а в тесно окружавшей его местной среде. Колонии, которые были торговыми центрами определенных районов, начинают производить собственные товары, чеканить свою монету (в начале V в. до н. э. существовало и то, и другое).

В состоявшемся после дискуссии экспертов свободном обмене мнений первым выступил Хр. Данов (Болгария). Высоко оценив доклад Ж. Валле, он указывает на несколько особенностей восточной греческой колонизации (оттеняющих и своеобразия западной). Греческие поселенцы, оседавшие на берегах Эгейского моря, Пропонтиды (особенно северных), Понта Эвксинского (особенно западных) паталкивались (в отличие от Запада) на уже существовавшие многотысячные поселения. Недаром греческие колонии здесь носят по большей части местные (фракийские) названия. Свидетельства топонимики подтверждаются археологическими данными: в Месамбри (Несебир) на болгарском берегу Черного моря открыто фракийское поселение эпохи поздней бронзы. Наконец, греческие поселенцы рано усвоили некоторые фракийские культы. Так, в Абдере почитался Аполлон Дзераний (эпитет явно фракийский), храм которого был возведен греками (не позднее конца VI — начала V в.) на месте более раннего фракийского поселения.

Д. Витуччи (G. Vitucci, Италия) оценивает доклад П. Тревеса как побуждающий к дальнейшей разработке проблемы. В частности, следует рассмотреть вопрос о противоречии между идеологическими представлениями, согласно которым заслуживал порицания император, *proferendi imperii incuriosus*, и реальностью, на которой такая *incuriositas* основывалась.

К. Моссе (Франция) отметила в докладе Ж. Валле моменты, особенно важные для истории греческих полисов. Данные о заблаговременном распределении городского пространства в Мегаре Гиблейской позволяют по-новому взглянуть на значение опыта колоний для проблем организации полиса (не только архитектурной, но и политической) в самой Греции (в этой связи были упомянуты деятельность Клизфена в Афинах и размышления Гипподама Милетского — теоретика функционального разделения городского пространства и автора проекта идеальной конституции полиса). Второй важный вывод — о том, что колонизация способствовала развитию массового производства керамики в Греции (в Коринфе), и о больших торговых потоках, на целый век предшествовавших появлению монеты. Он должен привлечь внимание историков к вопросу о происхождении монеты и ее первоначальных функциях. К. Моссе указывает также на важность вопроса о различных путях эволюции структуры местных обществ, столкнувшихся с греческой колонизацией.

К. Моссе говорит далее, что доклад В. Сестопа о римском гражданстве побуждает к аналогичным размышлениям о греческой политике, выдающимся теоретиком которой был Аристотель.

К. К. Зельин (СССР) считает, что проблема, рассматриваемая в докладе П. Тревеса, интересна, но с постановкой ее согласиться нельзя. Возражения докладчика против некритического применения понятий «нации» и т. п. к древности справедливы, но основное понятие его собственной концепции тоже заимствовано у современности. Вряд ли можно признать очень плодотворным рассмотрение всей истории Греции и Рима с точки зрения, определяемой отвлеченным понятием «политика равновесия сил», без учета логической природы этого понятия и связи его со всем ходом исторического развития. К. К. Зельин возражает также против односторонней, по его мнению, оценки IV в. до н. э. и эллинизма.

Р. Вийе (R. Villers, Франция) изъявляет согласие с точкой зрения В. Сестопа, противостоящей схеме Моммзена, и поддерживает взгляд на римское гражданство как на *ius honorarium*, раздававшееся достаточно щедро. Вместе с тем он подчеркивает, что римские «хитроумные комбинации» вели к иерархизации в среде свободных, т. е. к неравенству. К сходным выводам ведет и рассмотрение проблемы двойного гражданства. Таким образом, «равновесие» внутри Империи не было истинным — римское право было правом глубокого неравенства. Реформа Каракаллы ничего не изменила: просто привилегии римских граждан были заменены привилегиями всадников. Что касается равновесия сил в плане международном (о чем говорил П. Тревес), то в древности его не искал никто (и даже не ссылался лицемерно на такую цель, как это бывает в современном мире). Аппетиты великих держав (Персия, держава Александра, Карфаген, Рим) сдерживались лишь военными поражениями и дальностью расстояний. Ни Демосфен, защищавший свое афинское отечество, ни вторгшийся в Италию Ганнибал тоже не заботились ни о каком «всеобщем равновесии», которого не существовало.

И. Бержуньска-Маловист (I. Bieżuńska-Malowist, Польша), коснувшись вопроса,

затронутого в докладе В. Сестона и выступлении К. Николе, — об обесценении прав римского гражданства после эдикта Каракаллы, отметила, что, на ее взгляд, это явление прослеживается задолго до *constitutio Antoniniana*. Папирусы показывают, что уже во второй половине II в. ценность римского гражданства в глазах греков Египта падает (они забывают указывать в документах свои римские имена, вступают в браки с перекринками); социальных различий между средой ветеранов — римских граждан и греками, жившими в метрополиях хоры, не заметно.

С точки зрения И. Л. Маяк (СССР), достоинство доклада В. Сестона — в выявлении эволюции содержания юридического понятия римского гражданства с изменением исторических условий. Полемизируя далее с докладчиком, она останавливается, главным образом, на развитии римского гражданства до Союзнической войны и обращает внимание прежде всего на тенденцию к ограничению круга лиц, пользовавшихся римским гражданством в любых его разновидностях, разнообразие которых всегда служило политике разобщения и подчинения Риму всех членов Римско-Италийского союза.

Другой аспект той же темы отразился в выступлении Р. Гюнтера (R. Günther, ГДР). В. Сестон, говорит он, особенно убедительно показал дифференциацию правовых дефиниций в римском городском праве. Желательным дополнением к такому анализу было бы выявление взаимосвязи этих градаций с классовыми взаимоотношениями. В «лучшие времена» Республики права на частную земельную собственность из *ager Romanus*, на долю в *ager publicus* обуславливались гражданским статусом. В поздней Империи поляризация и нивелировка в сфере имущественных отношений нашли отражение в *constitutio Antoniniana*. Однако уже со времени Августа правовые отношения стремятся тормозить развитие классовых, так что в поздней античности понятие римского гражданства стало выражать реакционно-романтическую идеологию закрепления традиционных социальных отношений. В заключение Р. Гюнтер говорит о связи римского городского права с практикой и идеологией правящего класса.

В. П. Яйленко (СССР) высоко оценивает научную методичку и результаты научных изысканий Ж. Валле в области ранней истории западного эллинизма, но некоторые положения его работ (например о сухопутных торговых путях в Южной Италии) считает недостаточно доказательными. Они, по мнению В. П. Яйленко, есть следствие абсолютизации значения собранных Ж. Валле данных о торговле в греческом мире архаической поры. Те же данные, считает В. П. Яйленко, могут показать, что в архаическую эпоху связи полисов Великой Греции между собою были гораздо слабее, чем их связи с городами собственно Греции и прежде всего с их метрополиями.

Второе заседание секции 19 августа открылось докладом В. Д. Блаватского (СССР) «Античный мир и древний Восток». Задача доклада — сопоставить античный (греко-римский) мир с древневосточными странами: Месопотамией и Египтом, рассмотреть уходящие в далекое прошлое корни этих обществ, сравнить их условия существования, особенности воздействия на природу, общественную психологию, мировоззрение широких масс, роль этих факторов в развитии культуры.

Обращаясь к далеким предшественникам восточных и античных государств, докладчик напоминает, что если большая древность и значение культуры Ближнего Востока общепризнаны (первые очаги оседлого земледелия и скотоводства появляются здесь в VIII—VI тыс. до н. э.), то древнейшую Европу нередко считали отстававшей в своем развитии, а подъем ее связывают либо с переселениями с Востока, либо с восточными влияниями. Недавние большие открытия в бассейне Дуная и на Балканах подтверждают эту точку зрения: стало известно, что переход к земледелию, скотоводству и оседлому образу жизни произошел здесь лишь немного позднее, чем на Ближнем Востоке.

Это побуждает отклонить теорию моно- или дуоцентрического развития цивилизации в Старом Свете. По мнению докладчика, в древнейшую эпоху существовал ряд культурных очагов, в основном самобытных и самостоятельных развивавшихся, но в известной мере обменивавшихся опытом своих достижений. Так, некоторые злаки и мелкий рогатый скот проникли в Европу, вероятно, из Малой Азии в результате культурного взаимодействия или переселения небольшой (в дальнейшем ассимилированной) основным населением континента) группы людей.

Освоение земледельцами-скотоводами Южного Двуречья и бассейна Нила стало возможным лишь благодаря значительному преобразованию природного ландшафта. Сооружение оросительных систем в невиданных до того масштабах было длительным и сложным процессом, сопровождавшимся большими социальными и экономическими издержками. Завершение их означало формирование государств, находившихся под властью эллы и фараонов. Поливное земледелие не требовало усовершенствования орудий труда, остававшихся примитивными. Урожаи могли прокормить не только самих земледельцев, но и жителей городов — ремесленников, торговцев, воинов и обширный бюрократический аппарат. Социальная структура этих монархий довольно статична, а наибольшая зрелость их сопровождалась наибольшим подчинением земледельческого населения. Еще безотраднее была судьба рабов. Завоевания древневосточных теокра-

тий обычно были не очень обширны и нередко недолговременны, подчинение того или иного народа почти не отражалось на его социальной структуре.

Характер древнейших земельных общин Европы был совершенно иным. Суровые природные условия (несмотря на тяжелый труд, земледельцы не всегда собирали урожай) требовали от людей постоянных напряженных усилий, и стремление к прогрессу стало настоятельной необходимостью. Характер труда европейских земледельцев не нуждался в особой организации управления, а хлеба едва хватало для самих общинников. Долгое время Европа существовала без государств. В ахейских царствах (XVII—XIII вв. до н. э.) община не находилась в таком подчинении, как на Востоке. Дорийское завоевание смело или распатало эти царства, создав предпосылки для зарождения эллинской гражданской общины. От простоты социальных институтов первобытной общины полис унаследовал несложный аппарат управления. В эллинском полисе наибольшая зрелость социальных отношений означала наибольшую полноту прав его граждан (положение рабов было, конечно, иным). Полису свойственны: сильная децентрализация в сфере экономической жизни, более быстрое и широкое, чем на Востоке, развитие частной собственности на землю; в сфере общественно-политической — интенсивная социальная борьба, смена правящих групп.

Все это в еще большей мере приложимо к Риму. Античное общество было более активным и мобильным, чем восточное: оно было достаточно гибким, чтобы ассимилировать другие этнические группы, но охотно и заимствовало полезный опыт других народов. Наконец, по словам докладчика, античный мир оказал «более сильное, чем Передний Восток, воздействие на сопредельные страны и на всю последующую историю».

Изменения в природе, произведенные древневосточными обществами, были огромны, но довольно однородны по своему характеру и ограничивались территориями речных пойм. Деятельность античного общества была неизмеримо большей по размерам охваченных территорий и разнообразию форм воздействия на природу: значительная часть Европы и северного побережья Африки заметно изменили (в период Империи) свой облик.

Как древней Европе, так и древнему Востоку было свойственно плюралистическое восприятие явлений природы и связанное с ним политистическое мировоззрение. Однако на религиях восточных теократий сказалась придавленность сознания земледельца (в сохранении пережитков тотемизма, в сложной иерархии пантеона, в представлении о решающей роли приказа, в обожествлении царя). Древнейшая письменность и наука, созданные на Востоке, были связаны преимущественно с практической жизнью жречества и бюрократии. Искусство носило сакральный характер, отличалось монотонностью и консерватизмом.

Античная религия природы (формировавшаяся в ходе тяжелой, но успешной борьбы за существование) меньше сковывала сознание человека, чем религиозные представления Египта или Месопотамии. Наиболее пытливые умы античного общества смогли выработать рационалистическое отношение к природе, способствовавшее небывалому подъему науки и техники, а также искусства и литературы, пронизанных чувством гуманности.

Долгое время внутреннее развитие стран Ближнего Востока и античного мира протекало довольно обособленно друг от друга. Затем положение изменилось. В эллинистический период греко-македонская экспансия оказала сильное воздействие на восточные страны. Через несколько столетий волны влияния идеологии Востока прокатились по всей Римской империи.

Пример древнего Востока и античного мира показывает, в какой мере психологический склад народа может зависеть от характера и объема усилий многих предшествовавших поколений. Весьма различные, шедшие несходными путями, эти древние общества создавали подлинные культурные ценности и внесли большой вклад в прогрессивное развитие человечества.

Выступивший первым А. Фол (Болгария) говорит о сильном впечатлении, какое оставило у него параллельное рассмотрение истории развития двух регионов. Докладчик предлагает сопоставление различных явлений огромной картины вместо более обычного изолированного их рассмотрения или даже противопоставления. Отвергая, как и докладчик, теорию моно- или дуоцентрического развития, А. Фол рассматривает историю цивилизации (начиная с неолита) как параллельное развитие (в широком районе) первых «очагов земледелия и скотоводства», которые после начала производства металлов выказывают — все более и более — местные различия. Попутно он касается вопроса о некоторых существенных факторах этого развития (миграция новых этнических элементов, эволюция автохтонных племен, культурные обмены между соседями) и методике их изучения на археологическом материале.

М. А. Коростовцев (СССР), отметив вначале, что заглавие доклада гораздо шире его содержания и что тезис докладчика о независимом возникновении земледелия на Балканах не вызывает возражений, полностью отверг другой тезис докладчика — о том, что развитие культуры античности не подвергалось влияниям древнего Востока. Этот тезис, считает М. А. Коростовцев, возвращает нас к устаревшей европоцентрист-

ской концепции. Между тем наукой накоплен огромный материал о влияниях Востока (Египет, Шумер, позднее — Иран) на развитие цивилизаций Европы (не на том первобытном уровне, а на более позднем). Это не означает, что античность не имела собственного развития или что это развитие не было оригинальным, но восточное влияние было глубже и шире, чем это принималось раньше.

По мнению *В. И. Авдиева* (СССР), тема доклада имеет столь широкое значение, что нельзя ограничивать ее рассмотрением материалов Передней Азии, Египта и Балканской Греции — необходимо было учесть культуры островов Эгейского моря, Крита, Кипра, Ионии, издревле связанные с хеттско-урартским кругом, Финикией, Сирией и Египтом. Говоря о необходимости постановки вопроса об экономических и культурных связях стран Востока и античного мира, *В. И. Авдиев* указывает, в частности, на раннее развитие письменности в Египте, на высокую оценку культурных достижений восточных народов греками и т. д. *В. И. Авдиев* затронул также ряд других вопросов, связанных с темой доклада (в том числе — о развитии рабства и характере государства на древнем Востоке и в античном мире).

И. С. Кацнельсон (СССР) остановился — в связи с тезисами докладчика — на некоторых конкретных вопросах. Если поливное земледелие не требовало усовершенствования сельскохозяйственных орудий, то почему на Балканах они на протяжении тысячелетий остаются еще более примитивными? Верно ли, что завоевания древневосточных «теократий» (с применением этого термина в докладе тоже нельзя согласиться) были не столь обширны и нередко недолговечны? Походы фараонов XVIII династии раздвинули границы государства почти до 4 тыс. км, Кушем фараоны владели (с перерывами) семь-восемь веков, Сирией и Палестиной — около пяти веков. Докладчик считает, что и древней Европе, и древнему Востоку было свойственно политеистическое мировоззрение, но первые известные нам монотеистические системы возникли в Египте и Иудее, и античный мир заимствовал затем христианство именно с Востока. Древневосточный и античный мир — два этапа развития рабовладельческой формации Средиземноморья, и при изучении их следует не противопоставлять, а сближать. Это поможет лучше понять особенности каждого из них.

Два выступления касались вопросов истории древних Азербайджана и Грузии в связи с темой доклада.

К. Алиев (СССР) рассмотрел проблему проникновения римлян и римских влияний на Восток на материалах истории Атропатены и Кавказской Албании. Начав с военных столкновений I в. до н. э., он подробно охарактеризовал период наибольшего влияния Рима (конец I — начало III в. н. э.), особо остановившись на вопросах храмового хозяйства (формы которого были аналогичны существовавшим в Малой Азии) и торговых взаимосвязей.

О. Д. Лордкипанидзе (СССР) говорил о воздействии двух великих цивилизаций (античной и древневосточной) на сопредельные общества, развивавшиеся на периферии этих миров. Так, колхидский материал позволяет проследить контакты с Ассирией и Урарту, затем с Мидией и Ахеменидами, а также с античным миром. В этой связи показателен материал новых раскопок (подтвердивший, кстати сказать, репутацию Колхиды как золотообильной страны).

Доклад *Т. Р. С. Броутона* (США) «Преемственность и конфликт на Ближнем Востоке в древности» (*T. R. S. Broughton, Continuity and conflict in the ancient Near East*) охватывает большой круг вопросов. И преемственность и конфликт рассматриваются докладчиком как необходимые элементы исторического опыта, взаимодействующие в ходе поступательного движения цивилизации. В кратком обзоре развития регионов древнего мира, имеющих самую долгую историю социальной и культурной преемственности, докладчик подчеркивает различные условия, способствовавшие сохранению этой преемственности в самой различной среде, вопреки разрушительным силам: изменениям в народонаселении и в политической структуре, созданию и распаду держав.

В Египте географические и иные факторы поддерживали особую значимость единства и неизменности как высших ценностей. Официальные и религиозные каноны (в искусстве и т. п.) стремились отрицать самый факт развития, игнорировать даже нечастые случаи конфликтов, выступавших, главным образом, как столкновения между разными народами.

Что касается земель «Благодатного полумесяца» — Палестины, Сирии и Месопотамии, где целый ряд географических и климатических условий привел к тесному общению народы с различными установлениями и образом жизни, то там столкновения и перемены сами были почти непрерывны. Эти земли постоянно переживали превратности переселений, нашествий и завоеваний — как из Сирийской пустыни, так и с гор Анатолии и Ирана. В результате на землях самого «Благодатного полумесяца» и вокруг них произошло одно из сложнейших в истории смещений племен, языков и культурных уровней. Однако многочисленные обосновавшиеся здесь народы всегда испытывали глубоко проникающее влияние развитой и сложной политической и религиозной системы, искусства и архитектуры, укоренившихся в Месопотамии.

Одним из самых существенных факторов, способствовавших этой преемственности, докладчик считает прирожденную жизнеспособность и ассимилирующую силу городской цивилизации Шумера и Аккада, создавшей прочную социальную и экономическую структуру. Города и храмовые государства обеспечивали постоянные опорные пункты, которые продолжали существовать при всех завоеваниях и столкновениях. Более того, влияние их достижений зашло достаточно далеко по пути создания культурной общности во всем регионе (унаследованная Аккадом от Шумера клинопись стала *lingua franca* Ближнего Востока — в амарнский период даже Египта).

При Ассирийской и Нововавилонской державах этот процесс шел дальше. Политикой депортаций завоеватели невольно способствовали распространению арамейского языка, ставшего *lingua franca* при Персидской империи. Персы не пытались привести к какому-то единообразию находившийся под их властью обширный и пестрый комплекс земель и народов, но уже при них появляются предвестники более крупного и самого продолжительного столкновения между народами, которым отмечен греко-римский период.

Македоняне и греки пришли с Александром и диадохами как завоеватели, образовав высший военный и чиновничий класс. Тысячи их соотечественников устремились в завоеванные страны. Проблемы их места в управлении и отношений с коренным населением стали остро. Александр, руководствуясь не идеалами, а чувством реального, искал умиротворения. Он стал в Египте фараоном, он восстановил Вавилон, перенял ритуал персидских царей, допустил персов в армию и к управлению. Вместе с тем его военные поселения положили начало размещению греческих и македонских колонистов (с присущими им установлениями) в стратегических пунктах на главных путях Востока (что было угрозой преемственности восточных установлений и потенциальным источником конфликта).

Проблемы, с которыми не успел справиться Александр, перешли к его преемникам и решались несколько по-разному. Государство Птолемеев, полагавшихся в основном на греческих чиновников и солдат, было более компактным. Политика Селевкидов была более гибкой: они унаследовали персидскую систему сатрапий и видели опору своей власти в распространении по всей державе греческой городской организации под своей эгидой и контролем. Начавшийся на эллинистическом Востоке процесс смещения греческих поселенцев и местной знати был ускорен Римом. Рост и преемственность эллинского влияния на протяжении семи веков — от Александра до Византии — очевидны.

Где были очаги конфликта? Как сохранялись восточные элементы? Обнаруживало ли себя национальное и религиозное сопротивление? На всем протяжении греко-римского периода существовала (и углублялась благодаря языковому барьеру) пропасть между высшими классами, чье господство над землями городских районов все усиливалось и низшими классами города и особенно деревни (как показывают надписи, сельские жители были верны своим деревням, а не городам, на чьих землях они находились).

Итак, эллинизм, несмотря на его роль в создании сплава культур, не внес больших изменений в жизнь низших классов Ближнего Востока. Эллинизм принес с собой многое и много вообрал в себя из местных традиций, однако устойчивая его победа была невозможна там, где он приходил в конфликт с сильным религиозным и национальным противодействием (Египет, Иудея, позднее Сасанидский Иран²).

Последний вопрос, которого коснулся докладчик, — вопрос об исторической роли границы (и оборонительной линии) Римской империи по Евфрату. Была ли эта роль негативной (разрушение единства района «Благодатного полумесяца») или позитивной? Докладчик склоняется ко второму ответу, так как, по его мнению, эта оборонительная линия гарантировала на несколько веков мирное развитие римских провинций в Сирии и Малой Азии (обеспечившее, в частности, источник силы будущей Византии), способствовало развитию и продвижению на Запад христианства. Вместе с тем эта политическая линия раздела не была непроницаемым барьером, препятствовавшим обмену людьми, товарами, идеями и религиями между Востоком и Западом. Взаимопроникновение культур продолжалось здесь, как и прежде.

Подводя итоги своему обзору главных тенденций исторического развития древнего Ближнего Востока, докладчик подчеркивает, что политический разлад — наиболее частая и поверхностная основа конфликта — заслонял собой более глубокую преемственность.

Обсуждение открылось выступлением Г. М. Лившица (СССР), который отметил богатство доклада фактическим материалом и интересными суждениями. Однако основное понятие доклада кажется ему недостаточно определенным: что, например, понимается под «преемственностью», живучесть ли и приспособляемость старых порядков или эволюционный характер развития? Г. М. Лившиц считает, что в докладе преувели-

² В связи с историей Ирана докладчик бегло касается положения в Парфии, полагая, в частности, что «в Парфянской империи продолжало существовать противоречие между высоким уровнем эллинизации в городах и в вассальных государствах западных сатрапий и негородским феодальным строем царей и знати Иранского нагорья».

чено значение некоторых факторов (географического для Египта, религиозного для Иудеи), и оспаривает отдельные формулировки докладчика: о монотеистическом характере иудаизма (и даже христианства — для первоначальных стадий) их развития) и до «негородском феодальном строе царей и знати Иранского нагорья» в империи парфян.

Краткое выступление *И. Бежуньской-Маловист* (Польша) было посвящено вопросу об исторической роли различий между городским и сельским образом жизни как фактора, содействовавшего преемственности религии и культуры местного населения.

Г. Крайсиг (Н. Kreissig, ГДР) говорит о том, что отмеченная докладчиком преемственность в местной культуре эллинистического времени есть следствие преемственности в социально-экономических установлениях, которые не претерпели глубокого изменения в результате греко-македонского завоевания. Основой земельной собственности была *χωρά βσιλική*, которую эллинистические цари раздавали знати и частным лицам, как восточные цари до них. Обработавшие землю *λαοί* (владельцы, зависимые от собственника земли, которому они отдавали прибавочный продукт), по мнению Г. Крайсига, прямо восходят к «мушкенум» II тыс. до н. э. Греческий полис не мог оказать решающего воздействия на эллинистическое хозяйство, так как располагался на земле, тоже выделенной из *χωρά βσιλική* и обработывавшейся теми же *λαοί*. Рабство и *κλήρουχοι* не играли в этой системе решающей роли.

М. А. Коростовцев (СССР) отмечает, что при обширности темы и ограниченности объема очень оригинального доклада проф. Броутона трудно было бы требовать от докладчика развернутых определений «преемственности» и «конфликта». Вполне понятна (и справедлива) мысль докладчика о роли географического фактора в Египте как одной из причин долгой преемственности в социальной и культурной жизни страны (в этой связи М. А. Коростовцев ссылается на свою статью в ВДИ, 1970, № 1). Преемственность — необходимый элемент исторического процесса, т. е. движение, а не топтание на месте. Темп этого движения определяется, в основном, размерами прироста новых элементов к воспроизводству старых. Этот прирост может либо сохранять, либо совершенно изменять всю картину движения и характер преемственности. Примеры, приведенные докладчиком, в качестве исторических иллюстраций интересны, но доказательность их не всегда безусловна. Доклад в целом — опыт изучения преемственности на древнем Востоке, проникновения в сущность этого феномена — будит теоретическую мысль и приглашает к полезной полемике.

Б. А. Литвинский (СССР) считает, что в докладе — при важности темы в целом — эклектически объединены разные по своей значимости проблемы. Соглашаясь с положением докладчика о невозможности совершенной гомогенности культур и этносов, Б. А. Литвинский коснулся вопроса о традиции и инновациях (как вытекающих из имманентного развития этноса, так и принесенных завоевателями), о механизме инноваций, о дезинтеграции пришлой культуры и судьбе отдельных ее элементов (пример: греческая колонна привилась на Востоке, черепица — нет). Докладчик оставляет в стороне вопрос о судьбе принесенных элементов — о синтезе культур. Касаясь вопроса о Парфии, следовало учесть результаты советских исследований.

В. М. Массон (СССР) считает, что постановка вопроса в докладе интересна как рассмотрение одного из аспектов исторического процесса. «Преемственность» и «конфликт» докладчик рассматривает на фоне прежде всего этнических смешений, подчеркивая роль то природной среды (Египет), то городской цивилизации (Месопотамия), — между тем, очень велика роль постоянности экономического базиса. Возможно, большего внимания заслуживает то, что докладчик называет «конфликтом». Наконец, В. М. Массон возражает против противопоставления западных районов Парфии восточным.

И. С. Свенцицкая (СССР) говорит о взаимодействии эллинской и восточной цивилизаций после походов Александра — важным аспекте поставленной в докладе проблемы. Сохранение местных форм общественной жизни даже в наиболее эллинизированных областях (как Западная Малая Азия) выразилось прежде всего в сохранении сельской общины, лишь видоизменявшейся, но не исчезнувшей на протяжении греко-римского периода. Другой причиной неглубокого проникновения эллинской культуры был противоречивый характер процесса эллинизации. Эллинская культура, созданная небольшими городами-государствами с развитой демократией и гражданским самосознанием, в централизованных монархиях оказалась оторванной от своих корней.

А. И. Воицина (СССР) остановилась на вопросе об устойчивости местных традиций в изобразительном искусстве Ближнего Востока. Так, исследователи сирийского скульптурного портрета римского времени прослеживают истоки локальных особенностей стиля вплоть до шумерского времени. Можно установить преемственность традиций и в орнаментике, и в художественном ремесле.

Доклад *И. Нестора* (Румыния) «„Варварский мир“ и конец античного мира» (I. Nestor, La fin du monde ancien et les «barbares») имел целью кратко обрисовать современное состояние проблемы роли «варварских» народов в процессе падения Римской империи и рождения средневекового мира.

Умозаключения итальянских гуманистов XVI в. и французских просветителей XVIII в., вменявших в вину «варварам» разрушение античной цивилизации, были оспорены знатоками литературных источников еще до нынешнего расцвета исторической науки (Дюканж, 1678; Э. Гиббон, 1776). Сильный удар по этим взглядам нанесло развитие археологии (начало исследования рейнского и дунайского лимесов в конце XIX — начале XX в.). Но археологические данные служили опорой и поборнику «преемственности» А. Допшу (1918—1919, 1923—1924), и его критику Г. Аубину (1920, 1922). Новый цикл дискуссии (особенно после известного высказывания А. Пиганьоля: «Римская цивилизация не умерла своей смертью — она была убита», 1947) также связан с успехами археологии. Особенно интенсивно разрабатывалась интересующая нас тема немецкими, австрийскими и английскими учеными. Говорить о точке зрения современной науки в целом еще рано, но на несколько характерных моментов следует указать.

Уже в том, что касается отношений Рим—«варвары» во времена расцвета Империи, концепция жесткого противостояния претерпела изменения, поскольку археология свидетельствует о политической, военной и торговой экспансии Империи. Это нашло отражение в формулировках типа «невидимые границы Римской империи» (Э. Корнеман) или «Рим по ту сторону имперских границ» (М. Уилер, 1954). Изменилось самое представление о характере границы. Исследователь германского лимеса Г. Шенбергер считает, что лимес не должен рассматриваться как укрепление, воздвигнутое против конкретного непосредственного противника, но, скорее, как демаркационная линия, отражающая стратегическую ситуацию и достаточно защищенная против любого потенциального врага.

Переходя непосредственно к проблеме роли «варваров» (односторонней ли и подлежащей осуждению, либо частично и при случае прогрессивной) в падении Империи (рассматриваемой как структура государственная, социальная и экономическая), а также к проблеме судеб античной цивилизации, следует указать, что уже не может быть речи о глобальной постановке вопроса. Она исключена самым фактом разделения и различных судеб Западной и Восточной империи, но и в рамках каждой из обеих все более возрастает значение локальных исследований.

Исследователи, изучающие причины и обстоятельства падения Западной Римской империи (от внутренних его причин мы здесь отвлекаемся), более или менее согласны в признании определенной роли германских племен и королевств в этом процессе. Но сегодня это положение не имеет больше ничего общего с идеей «убийства» — преемственность античной культуры в новых образованиях средневековья остается фактом. (В связи с общими проблемами и историей исследования докладчик ссылается на работы К. Ф. Штрохеккера.)

Особенно подробно интересующий нас вопрос исследован для ряда регионов, вошедших в германизованную франкскую империю.

К. Бенер, сведший и картографировавший археологический материал из Рейнского бассейна, пришел к следующим выводам. Изменился прежде всего общественный строй — политическое господство перешло от централизованной государственной власти к этническому объединению, ориентированному на крупное крестьянство. Истины, развивавшиеся, исходя из нужд Империи, были вырваны из естественных связей. Для постоянной армии, пограничных укреплений, некоторых специализированных форм сельского хозяйства это было концом. Другие (остатки прежней администрации в городах, ремесла, виноградарство, «международная» торговля) смогли включиться в новые структуры, и силы, в них заключавшиеся, вжились в новый строй. Наконец, церковь, оказавшаяся необходимой для завоевателей, сохранилась, приспособившись экономически к новым условиям. Носителем сохранявшихся (в модифицированном виде) форм римской жизни оставалось римское провинциальное население, лишь со временем слившееся с германцами. (Такое развитие не было обязательным — на землях, затронутых арабским завоеванием, наблюдалась иная картина.)

Для нынешних австрийских территорий — Реции и Норика — изучалась, главным образом, судьба римских городов и укреплений. Г. Таллер-Штиглиц (основываясь на результатах раскопок школы Р. Эггера) считает, что прямой преемственности между римскими и средневековыми городами нет, хотя последние могли вбирать в себя римские постройки. Показательно исчезновение римских топонимов (исключение — города Прибрежного Норика). Интересно наблюдение Г. Таллер-Штиглиц о сохранении — после конца римской оккупации — доримских топонимов. Очевидно, местный элемент не исчез в процессе романизации и потом вновь появился на поверхности, оказавшись носителем преемственности. Наконец, докладчик считает «знаменательными» замечания того же автора по поводу недоказанности распространения предположений о бегстве в горы римского элемента из равнинных районов Реции II и Прибрежного Норика.

Районы восточнее Норика были до недавних пор меньше изучены, но недавно появился ряд новых исследований о Паннонии. Однако уже здесь, считает докладчик, наука сталкивается с вопросом о судьбе Восточной Римской империи, который выходит за рамки данного сообщения.

Прения по докладу И. Нестора начались выступлением *Р. Гюнтера* (ГДР), который отметил, что тема сообщения необычайно интересна; ее коренной вопрос — взаимодействие двух исторических сил. Как могло возникнуть новое общество из соединения разлагающихся элементов античного классового и первобытного обществ? Это развитие не было лишь деструктивным — в процессе разложения обеих старых формаций возникли структурные элементы нового, рождающегося феодального общества. Взаимодействие обеих названных сил археологически прослеживается, в частности, на примере германских летов в Галлии (на территории Северной Франции и Бельгии) IV—V вв. В их судьбе наглядно выявляется осуществление германо-романского синтеза: исчезновение римско-античных структур при далеко идущем воздействии (даже после конца античности) римских позднеантичных элементов.

И. Герман (J. Neumann, ГДР) говорит о том, что проблему [коллизии античность — «варвары»] следует рассматривать в свете другой коллизии — общественных сил внутри Империи и внутри племенных обществ «варваров». Внутренние силы варваров (у которых со II в. идет образование племенных союзов) стремились к усвоению античной цивилизации и преодолению сил, которые (в форме Римской империи) противостояли этой цели. На этом пути они перестают существовать как «варвары» и открывают путь к феодальному обществу.

И. Герман коснулся также доклада *В. Д. Блаватского*, согласившись с тезисом о прослеживаемых до неолита различиях в социально-экономическом строе древнейших обществ Ближнего Востока и Балкан.

М. Петреску-Дымбовица (M. Petrescu-Dîmbovița, Румыния) считает весьма перспективными изложенные в докладе концепции максимальной гибкости римской политики на границах, «невидимых границ», которые были шире «видимых». Эти концепции представляют интерес и для других регионов (кроме затронутых в докладе), в частности, для восточного региона провинции Дакии и районов дакийской культуры к востоку от Карпат. Подробно остановившись на исторических судьбах этого региона (от времени, предшествовавшего римскому завоеванию до IV в.), *М. Петреску-Дымбовица* приходит к выводу о тесных экономических и культурных взаимосвязях римлян и даков по ту сторону границы провинции — как до, так и после 271 г., когда с отходом римлян за Дунай эта граница перестала существовать.

М. Петреску-Дымбовица остановился также на вопросах, затронутых в докладе *В. Д. Блаватского*, в той его части, которая посвящена неолитическим культурам Европы, и сделал ряд дополнений, основанных на материале новых раскопок.

На материалах того же Карпато-Дунайского бассейна основывался в своем выступлении *К. Хоредт* (K. Horedt, Румыния). Он указал, прежде всего, на особую организацию имперской границы в этом районе. Земляные валы протяженностью более тысячи км (датируемые либо I, либо IV в. н. э.) тянулись по «варварской» земле вдоль внутреннего изгиба Карпат, по равнине Тиссы, внешней линии Южных Карпат, Румынской равнине, отграничивая некую «Vorland», «зону осмоса» между границей Империи и варварским миром. *К. Хоредт* остановился также на вопросе об условиях существования романизованного населения на территории Дакии после 271 г. Рассматривая этот вопрос в связи с политической историей региона до VII в. н. э., *К. Хоредт* отметил установленный недавно хронологический разрыв между уходом римлян за Дунай (271 г.) и проникновением готов в Трансильванию (IV в.), указал на недооценивавшуюся до сих пор роль остготов во время гуннской оккупации и на роль христианства как силы, объединявшей романизованное население с германскими племенами.

По мнению *А. Г. Бокщанина* (СССР), докладчик примыкает к идущей от *А. Допша* теории континуитета — развития античной цивилизации в варварском мире. Выводы доклада основаны на выборочном использовании материала. Между тем археология свидетельствует и о гибели многих городов (Аполлония Иллирийская, Сирмий, Таванс и др.) и запустении целых областей в результате варварских нашествий. Погромы Рима в 410 и 455 гг. превратили город в поле руин. Изделия античных ремесленников, находимые в варварских поселениях, могут говорить о труде захваченных в плен ремесленников. Остатки римских пограничных укреплений не свидетельствуют о мирных взаимоотношениях римлян с варварами. Такие отношения были, скорее, исключением.

Е. Колендо (J. Kolendo, Польша) говорит о том, что для проблемы отношений Рим—«варвары» важно изучение находок вещей римского происхождения в Центральной, Восточной и Северной Европе (так, мечи, происходящие с территорий Империи, найдены в Польше, Германии, Дании, Швеции). Следует выяснить влияние притока римских товаров на экономическую жизнь «варварских» народов за пределами Империи. Нужно также дать себе отчет в том, что такой приток римских вещей создавал у «варваров» мифаж богатств Империи, который стал одной из причин, побуждавших варваров нападать на ее территории.

Т. В. Блаватская (СССР) остановилась на необходимости использования северопричерноморского материала для освещения проблемы, рассматриваемой в докладе. Судьба Боспора в I—V вв. н. э. — образец внутренней «варваризации» античной монархии эллинистического типа. Переломным моментом было гуннское нашествие около 375 г. После отхода гуннов строй восстановленного (правда, уменьшившегося) госу-

дарства стал несколько иным. Усилилось воздействие варварского окружения, но, вместе с тем, и византийских образцов. Боспор после гуннского нашествия и до перехода под власть Византии (20-е гг. V в.) может служить примером «переходного» государства, выраставшего из форм предшествовавшего ему государства позднеантичного.

Заседание 20 августа открылось докладом *С. Л. Утченко* и *И. М. Дьяконова* (СССР) «Социальная стратификация древнего общества». С изложением основных положений доклада выступил *С. Л. Утченко*.

Различные общественные группы, говорится в докладе, исторически сложившиеся общности людей, на которые расслаивается любое общество, не равнозначны для историка. Для историка-марксиста решающее значение имеет представление об общественных классах, о классовом членении общества. Вполне закономерно оперируя этими понятиями, историк древности не должен забывать о том, что он накладывает понятийную сетку, выработанную современной наукой, на такое общество (и такую эпоху), которое еще не могло осознать объективно существующих отношений, характеризующих этими понятиями.

Исходя из ленинского определения классов как больших групп людей, различающихся «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15), авторы доклада подчеркивают, что классы возникают лишь при исторически определенной системе производства, т. е. на достаточно высокой ступени общественного развития. Поэтому вполне мыслимо общество с известной иерархией юридических (и социальных) статусов (т. е. с явным уже социальным неравенством), но еще не знающее четко сложившихся классов. Формируясь на соответствующем уровне развития производительных сил, классовое (в нашем смысле) членение общества проступает как бы в подтексте иных — непосредственно наблюдаемых — связей и отношений. Однако в рамках античного общества процесс классообразования еще не доходит до своего логического завершения — до образования «бессловных» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311) классов. Классовые отношения в древних обществах всегда как бы опутаны и отодвинуты вглубь традицией и правовыми нормами.

Разнохарактерность конкретных предпосылок социальной дифференциации (о которых мы можем судить лишь по этнографическим параллелям) обусловила в значительной мере сложность и пестроту картины социальных отношений в античном мире. Наряду с локальной спецификой стран и регионов, существовало и стадийное неравенство, неодновременность и неравномерность исторического развития. (Стадийные изменения в структуре античного общества можно проследить хотя бы на примере многовековой истории Рима.)

Самая общая схема классового членения, приложимая к античному обществу, может выглядеть так: 1) класс людей, владеющих (прямо или косвенно) средствами производства, но не занятых производственным трудом и эксплуатирующих труд других (как правило — господствующий класс); 2) класс людей, владеющих средствами производства и занятых производственным трудом; 3) класс людей, не владеющих средствами производства, но занятых производственным трудом. Кроме того, существовала группа людей, не владеющих средствами производства и не занятых производственным трудом (античный люмпен-пролетариат).

Приложение этой общей схемы к тому или иному конкретному обществу всегда требует от исследователя постановки вопросов: где? (т. е. какое конкретно общество), когда? (на какой стадии развития), кто? (какие именно социальные категории). При этом надо иметь в виду, что характер связей между производственным показателем и правовым статусом был не простым и не однозначным (отношение к средствам производства могло быть различным при едином юридическом статусе и, напротив, юридический статус мог быть различен при одинаковом отношении к средствам производства). Роль правового статуса и всей связанной с ним социальной (и бытовой) специфики должна учитываться исследователем, который стремится остаться на почве историзма.

Для древнего Ближнего Востока (II тыс. до н. э.) тоже следует делать различие и понимать соотношение между традиционной социальной структурой (т. е. группировкой населения по слоям различного гражданского статуса) и объективно существовавшей социально-экономической статификацией общества (т. е. его классовым членением).

На древнем Востоке суверенитет государства (государя) и его право собственности не совпадали. Отсюда — существование двух секторов экономики: царско-храмового («государственного») и общинно-частного (термин «частный» означает здесь лишь господство частнопровых отношений). Соответственно, «традиционная» социальная структура выглядит так: 1) теоретически полноправные граждане общин и члены их

семейств — как эксплуатирующие чужой труд, так и не эксплуатирующие; 2) лица, патриархально-подвластные царю (или представляющим его лицам), — обязанные царю как службой нематериального характера, так и непосредственно производством материальных благ, как участвующие в эксплуатации чужого труда, так и не участвующие; 3) лица, стоящие вне указанной структуры, лишенные социальной и правовой защиты и находящиеся в личной собственности другого, т. е. рабы в прямом смысле слова.

Две первые группы различались отношением к собственности: право собственности (на землю и другие средства производства) общинников практически осуществлял патриарх — глава семьи; царские люди (не исключая глав семейств) — как патриархально-подвластные — собственниками не были. Рабы использовались главным образом в домашнем хозяйстве, где были сосредоточены все виды производственного труда, кроме полевого.

Такая «традиционная» социологическая структура древневосточного общества не совпадает с объективно существовавшей классовой. Эта последняя была в принципе той же, что в западной античности — общество членилось на те же три класса (см. выше).

Ряд положений доклада касается соотношения между этими двумя структурами. Так, свободное гражданство (в основном — крестьянство), лично участвующее в производстве и обладающее всеми гражданскими правами (включая самоуправление) и обязанностями (включая воинскую службу, уплату налогов, трудовую повинность), предстает перед нами как социальная группа, являющаяся пережитком всей массы населения первобытного догородского общества. От нее непрерывно отделялись — на двух концах — группы, переходящие соответственно в состав господствующего и эксплуатируемого классов. Тем не менее, в течение III—II тыс. до н. э. свободное гражданство на Ближнем Востоке численно преобладает и лишь в I тыс. до н. э. сохраняется только в самоуправляющихся городах (а за их пределами сельскохозяйственное население сливается с эксплуатируемым классом). Группа «рабы в прямом смысле слова» всегда входит в эксплуатируемый класс, но не обязательно полностью совпадает с ним.

Доклад заключается указанием на принципиальное типологическое различие между древним (рабовладельческим) и средневековым (феодальным) обществом.

Прения по докладу открыл *Д. П. Каллистов* (СССР). В развитии нашей марксистской исторической науки, сказал он, период преимущественного интереса к широким и общим определениям закономерно привел к стремлению конкретизировать и детализировать эти определения для различных эпох, что и нашло отражение в докладе. В этой связи *Д. П. Каллистов* отмечает, что изучение нюансов и эволюции древней терминологии может уточнить наши представления о тех или иных исторических явлениях.

Э. Л. Грэйс (СССР) остановилась на важном для историка древности вопросе о соотношении сословно-правовой и классовой структуры общества. Доклад, подчеркнула она, дает правильное направление для дальнейшей разработки, рассматривая античность как ступень в развитии классового общества.

Г. Ф. Ильин (СССР), отметив, что доклад, несомненно, очень интересен, остановился на двух вопросах, представляющих ему спорными. *Г. Ф. Ильин* считает, что в некоторых формулировках доклада отразились встречающиеся у этнографов исторические представления о социальной дифференциации, предшествующей имущественному расслоению. Касаясь предложенной докладчиком схемы классового членения древнего общества, *Г. Ф. Ильин* полагает, что крестьян-общинников следует считать не классом, а социальной прослойкой, находившейся между двумя основными классами — рабов и рабовладельцев — и непрерывно размываемой рабовладением.

Т. Д. Златковская (СССР) говорит о том, что в докладе обращено должное внимание на расслоение в среде свободных. В обществе древней Фракии (эпохи сложения Одриского царства) основным производителем был свободный общинник, обремененный большим количеством поборов в пользу царя и родовой и служилой знати, которая составляла господствующий класс. В раннеклассовых обществах рабовладение развилось слабо, и основная линия классового раздела и классовой борьбы проходит между различными категориями свободных (ср. замечания *Ф. Энгельса* о доклизефовских Афинах). Со временем она перемещается и классовое общество складывается как рабовладельческое.

Р. Этъен (*R. Etienne*, Франция) отмечает ясность изложения и формулировок доклада. Проблема классов в древности, говорит он, интересует и французских историков, обсуждавших ее на двух коллоквиумах. *Р. Этъен* считает, что, кроме чисто имущественных, необходимы и дополнительные критерии для характеристики тех или иных социальных групп, и останавливается на вопросе о римском всадничестве в связи с последними исследованиями *К. Николе*.

В выступлении *М. А. Коростовцева* (СССР) доклад характеризуется как творческий серьезный вклад в исторический материализм. Основные положения докладчиков

возражений не вызывают. Некоторые тезисы, однако, следовало сформулировать точнее, чтобы исключить возможность неверного их понимания. Рост производительных сил в доклассовом обществе, говорит М. А. Коростовцев, приводит к имущественной дифференциации. Появление классового общества есть переход количества в качество. Но классы в древнем обществе несут на себе родимое пятно доклассового общества: это классы, по существу, но они оформлены как организации родового общества, то совпадающие, то не совпадающие с делением на классы. Отсюда и сложность проблемы стратификации древнего общества.

И. Вольский (J. Wolski, Польша) затронул — в связи с выводами докладчиков — вопрос о социальном строе Ирана в парфяскую эпоху. Взгляд, преувеличивающий роль рабства в парфянском обществе, неверен, так как основывается лишь на достаточно стандартной терминологии античных авторов. Рассмотрение тех же данных на фоне процесса политической эволюции парфянского государства заставляет И. Вольского предположить в «*δούλοι*» и «*servi*» Плутарха и Юстина крестьян, работавших на землях аристократии (их обучали скакать на коне и стрелять из лука, а употребление лошади рабам запрещалось), в «*πελάται*» — крестьян, работавших на собственных наделах, но обязанных аристократии уплатой поборов и военной службой.

Выступивший затем *Ю. Б. Юсифов* (СССР) коснулся тезиса докладчиков о двух секторах экономики ближневосточных обществ II тыс. до н. э. По его мнению, храмовое хозяйство, по крайней мере для Вавилонии и Элама, должно быть выделено в особый (третий) сектор. В вопросе о классах древнего общества Ю. Б. Юсифов придерживается двучленного деления, видя в каждой общине и каждом свободном «потенциального рабовладельца».

С. Мадзарино (S. Mazzarino, Италия), соглашаясь с одним из положений доклада — требованием конкретизации наших представлений, указал в этой связи на проблему «люмпен-пролетариата». Можно ли относить к этой категории сотни тысяч людей, получавших раздачи в IV — начале V в. н. э.? О некоторых из них известно, что они владели средствами производства и работали, принадлежа к коллегиям. Далее С. Мадзарино остановился на некоторых вопросах социальной структуры доимперского Рима. Для конца IV—III в. до н. э. он считает возможным говорить о «дуализме» господствующих классов, считая «экономически господствующими» два «класса»: сенаторов и вольноотпущенников (с их сыновьями). Положение первых основывалось на владении недвижимостью, вторых — движимостью. Политически господствующий класс был один — сенаторы (которым удалось воспрепятствовать политическому восхождению класса отпущенников). Позднее (около 130 г. до н. э.) обрисовывается другой дуализм — сенаторов и всадников.

М. А. Дандамаев (СССР) говорит, что быстрое развитие науки заставляет отказаться от традиционных представлений о «древневосточном» обществе с неизменной деспотией, верховной собственностью царя на землю, замедленным развитием. Перед нами предстает сложная картина подчас глубоко различных обществ. Поэтому надо остерегаться поспешных выводов и именно в этой связи аргументированные положения доклада представляют большой интерес. Далее М. А. Дандамаев на материале вавилонских документов I тыс. до н. э. говорит о неоднородности рабов, о существовании среди них прослойки, принадлежащей к эксплуататорам (рабовладельцам, ростовщикам, предпринимателям).

Ф. М. Нечай (СССР) спорил с докладчиками по вопросу о рабстве-должничестве в древнейшем Риме, отрицая разницу между кабальным и рабом. По его мнению, уже тогда господствующее сословие патрициев выступало как рабовладельческий класс.

И. Д. Амусин (СССР), присоединяясь к выступлению М. А. Дандамаева, говорит о том, что распространенное мнение о верховной собственности царя на землю в странах древнего Востока опровергается источниками. В этой связи он, в частности, напоминает о сугубой конкретности вавилонских представлений об отношениях господства и подчинения.

В выступлении *Г. М. Бонгарда-Левина* (СССР) доклад был охарактеризован как подытоживающий работы многих советских исследователей. Отдельные положения будут развиваться в ходе дискуссии — в этой связи можно поставить несколько общих вопросов: 1) о соотношении классов и сословий (данные сравнительной лингвистики говорят о том, что в странах индо-иранского мира сословия сложились до классов); 2) о положении сословий в различных государствах (в монархических государствах Индостана ведущая роль принадлежала брахманам, в немонархических — кшатриям); 3) о многоукладности (был ли общинный уклад только пережиточным или самостоятельным?); 4) об эксплуатации (в частности, об эксплуатации общинников).

Н. М. Постовская (СССР) обращает внимание на то, что у обществ Ближнего Востока и греко-римского мира в начальные периоды развития социальной дифференциации было немало сходного и прежде всего своеобразный институт «дома» (фамилии), который был древнейшей формой организации господства эксплуататоров над эксплуатируемыми. Генетически связанная с первобытными институтами, она обусловила стойкость пережитков древних установлений вплоть до конца Римской империи. Поэтому авторы доклада справедливо настаивают на единстве процесса развития древ-

него мира (по крайней мере в пределах Средиземноморья) и подчеркивают архаичность социальных отношений в обществах с высокой ролью фамильной и полисной собственности. Выяснение причин расхождения в развитии также потребует соединенных усилий востоковедов и античников.

Затем — в отсутствие докладчика — был обсужден доклад Э. Х. Вельскопф (ГДР) «Идея общественного прогресса в древности» (E. Ch. Welskopf, Gedanken über den gesellschaftlichen Fortschritt im Altertum). Изложим вкратце основные положения обсуждаемого доклада.

Идея общественного прогресса существовала задолго до того, как появилось само это понятие.

В «Илиаде» и «Одиссее» нет ни понимания, ни требования каких бы то ни было поступательных, следующих друг за другом изменений в обществе. Но в этих поэмах впервые прозвучала прогрессивная идея гуманности и *philēia*, предполагающая высокое представление о человеческих возможностях.

У Геспода мы впервые встречаемся с революционизирующей идеей прогресса. В его представлении, в то время как мир людей шел по нисходящей — от золотого века к железному (древнейшее представление о последовательности общественных структур) — мир богов в космическом понимании шел по восходящей — от дикой силы Урана к справедливости Зевса. Отдельные ступени нисходящего и восходящего движения стоят друг с другом рядом как рок и как дар. Лишь конечное разрешение — результат их встречи. В высшей форме мира богов — справедливым Зевсе — докладчик видит выражение насквозь человеческого принципа справедливости, свержения господства произвола и насилия, который еще в религиозной форме выражал надежды крестьянского демоса, его волю к жизни и труду.

В элегиях Солона место Зевса и Дики заступает сам человек: не «Зевс сделал», а «я сделал». Солон ожидает, что правильность его действий будет подтверждена «Хроносом», т. е. ходом времени — здесь впервые четко сформулирована идея развития в общественной жизни. Само это развитие (т. е. прогресс) выражалось (хотя Солон об этом и не говорит) во всяческом поощрении ремесла и торговли.

Осознанное прогрессивное изменение социальных, экономических и политических отношений в период от Солона и до Перикла шло параллельно развитию рационалистических и материалистических тенденций в натурфилософии, но идея развития от низшего к высшему в космосе (Анаксимандр) и идея прогресса в обществе по-прежнему не связывались между собой. В речи Фукидидова Перикла — этом самовосхвалении демократии в связи с достигнутым прогрессом — на смену солоновскому «я» приходит «мы» (хотя и ограниченный кругом граждан). Включая в понятие демократии любовь к искусству и науке, эта речь выражает дальнейшее развитие устремлений к прогрессу.

В период кризиса полиса развитие идей о прогрессе идет в самых противоположных направлениях. Здесь и критика достижений демократии (Платон, Аристотель), и новые мысли об экономическом прогрессе (Ксенофонт) и т. п. Нетрудно указать на конкретно-историческую основу тех или иных идей и тем самым на их ограниченность. Так, мысль о допущении рабов к политической жизни отражала изменения в самом рабстве (рабы — агенты в сделках, рабы-греки и т. п.), идея мира ограничивалась миром между эллинами и предполагала общую войну против Персии. Но до известной точки ограничения суждения античных историков и философов поражают глубиной. Познавание космоса натурфилософами VI в. до н. э. находит теперь параллель в аналитическом познании постепенного изменения человеческого общества на основе материальных предпосылок и интересов. Докладчик находит возможным говорить о первой, еще сырой научной концепции развивающихся по восходящей, сменяющих друг друга общественных структур. В докладе указано также на то, что Маркс, исследуя меновую стоимость, ссылается в числе прочих авторов на Аристотеля.

Затем докладчик переходит к Римской республике, ограничиваясь одним автором — Лукрецием Каром, чье творчество совпадает с кульминацией типично античного развития вообще. В своей поэме Лукреций рассматривает два ряда развития: вселенной и человеческого общества — во внутренней материальной связи их основных законов. Идея прогресса становится составной частью идеи круговорота материи. Переноса идею круговорота на общество, Лукреций считает, что оно уже достигло высшей точки развития, за которой может следовать лишь естественный спад. Но он убежден в вечности материи, движение которой никогда не кончается и способность которой к прогрессу неисчерпаема и в отношении человека.

Размышления древних о прогрессе были направлены на изменение действительности (хотя и в неизбежно узких пределах), но ограничивались областью самих общественных связей между людьми, экономических и политических отношений, организации производства. Мысли об усовершенствовании орудий труда или достижениях науки и техники как средствах прогресса были им чужды (идеи технического прогресса мы встречаем лишь в мифах о Прометее, Дедале и т. п.). Не находим мы у древних и идеи прогресса путем революции. В заключение докладчик цитирует похвальное слово миру из Полибия (XII, 26, 4, 7—8), которое возводит предположительно к Горцию.

Обсуждение доклада началось выступлением Х. Кенпштейн (Н. Köpstein, ГДР), которая указала на софистику как на важный этап размышлений о социальном прогрессе (Протагор с его «гражданским искусством» и др.). Если в том, что касалось настоящего и будущего такие размышления ограничивались политической сферой, то в осмыслении прошлого вырабатывались и другие критерии. В этой связи Х. Кенпштейн напомнила об идеях античных материалистов (Демокрит и др.), объяснявших происхождение ремесел столкновением человека с природной средой.

В. Н. Ярхо (СССР) останавливается на вопросах, не затронутых или односторонне решаемых докладчиком, который следует известной схеме vom Mythos zum Logos — от религиозного сознания к рационалистическому объяснению. Однако мифологическое мышление еще вполне развито во второй половине V в. до н. э. (даже у софистов и Еврипида). Античное мышление, отмечает далее В. Н. Ярхо отнюдь не всегда видело в прогрессе положительное начало: и Прометей с огнем принес людям горе (Hesiod., Erga 47—58), и Дедал, потеряв Икара, проклял свое искусство (Ovid., Met. VIII, 234). Не следует забывать и о том, что идеал Гесиода все-таки в прошлом. В. Н. Ярхо добавляет, что рассказы об «автоматах» принадлежат к области не мифа, но сказки (т. е. сознательной небылицы). Наконец, в докладе недостаточно показано, что скепсис, например, Лукреция, по сравнению с бессознательно художественным мифологическим творчеством, был не только приобретением, но и потерей.

Р. Гюнтер (ГДР) подробно остановился на вопросе об античной социальной утопии (и связанных с нею солнечных культах) как об отражении социальной несправедливости в повседневной жизни и выражении самых благородных мыслей об общественном прогрессе.

В выступлении И. М. Тронского (СССР) отмечалось, что три проблемы, рассматриваемые в докладе (античные теории прогрессивной космогонической эволюции; теории прогрессивного общественного развития; объективно прогрессивные общественные идеи) недостаточно разграничены. Идею прогрессивного космогонического развития мы находим и на Востоке (Книга Бытия и вавилонские к ней параллели). Древнейшие греческие космогонии также начинают с Хаоса или Ночи. Идея прогрессивного развития человечества делает большие успехи в V в. до н. э. (в художественно-мифологической форме — Прометей Эсхила, в философском плане — теории Демокрита). Эллинистическое общество уже не смотрит на себя так оптимистично (Эпикур).

Х. Дитер (Н. Dieter, ГДР) говорит об исторических воззрениях Римской империи. Господствующими были концепции круговорота и возрождения. Они достигают высшей точки в трех идеях: «веков», четырех «мировых царств» и «жизненных возрастов». При Августе доминировали первые две; надежды на обновление и на стабильность связывали их с идеей вечности (aeternitas). Этот хмель прошел, и на первый план выступил пессимизм. Теория «жизненных возрастов» появляется у Сенеки и широко распространяется (Флор, Аммиан Марцеллин). Общественное развитие предстает как подчиненное неизбежному закону природы: все — вечный круговорот; человек, общество, мир имеют одну судьбу; возрождение скрыто тьмой. На исторических концепциях Римской империи лежит тень «меланхолии обреченности».

С. Лауффер (S. Lauffer, ФРГ) считает идею круговорота пришедшей с Востока, самой же античности свойственной идея прямолинейного развития. Оба взгляда встречаются и в смешении (упоминавшаяся здесь идея «жизненных возрастов»). Докладчик справедливо отмечает значение Гесиода, модифицировавшего пережитое у Востока учение о движении по нисходящей и впервые принявшего взгляд, что век героев принес улучшение. Затем представления о прогрессивном развитии от первобытности нашли продолжение у софистов. Появившееся понятие *προκοπή* — прогресса — играет центральную роль у Полибия. Эти мысли и понятия находят себе подобие и у христианских писателей (Августин). Идея прогресса и в поздней античности никогда не исчезала полностью, получив продолжение в средние века и позднее — вплоть до идеи прогресса нового времени и до начала социализма.

Доклад Ж. Эргона (Франция) «Италийские цивилизации» (J. Heurgon, Les civilisations italiques) посвящен итогам и проблематике изучения древней Италии в современной науке.

Растущий интерес к истории италийских народов связан с преодолением характерной для моммзеновских времен романоцентристской направленности науки о древности. Эти народы, по словам Дж. Девото, «нуждаются в признании их собственного существования, а не предполагаемого превосходства (или отсталости) по сравнению с Римом».

Термин «италийские» докладчик употребляет в самом простом и самом широком смысле — для обозначения всех цивилизаций, сформировавшихся до римского завоевания на Аппенинском полуострове и соседних с ним островах. Сюда включаются и греки, и этруски, и коренное население Сицилии и Сардинии (но не венецы и кельты Цизальпинской Галлии, присоединенные к Италии лишь в 49 г. до н. э.).

Докладчик не останавливается на особенностях отдельных цивилизаций (это область археологического анализа, а не исторического синтеза), его цель — определить

основные категории, которые дали бы основу для различения этих цивилизаций, причины, вызывавшие в известных случаях переход от одного типа цивилизации к другому, общую (благодаря широким взаимосвязям) эволюцию состояния культуры в доримской Италии.

Первое деление, восходящее к древности (Хрисипп, Посидоний) противопоставляет горцев жителям равнины, причем горцы рассматриваются как находящиеся в состоянии первобытного варварства. Кроме этого географического разграничения, есть и другое, социологически более важное, — между городом и деревней. Оно иногда отпочковывается от первого — Ливий объединяет оба критерия в определении самнитов: *in montibus vicatim habitantes* (X, 45, 11), естественной формой их поселения была деревня (*vicus*), а не город (*urbs*).

60 лет назад Э. Корнеман писал, что город как особая форма матерьяльного и духовного бытия был чужд италийцам, чье политическое единство не ограничивалось стенами города, но охватывало территорию всей занимаемой племенем «страны» — *pagus*, — в которой более или менее рассеянные группы жилищ составляли *vicī*. Эта схема, однако, односторонняя. Очевидно, что некоторым италийским (в принятом здесь смысле слова) народам было присуще активное городское сознание. Это, разумеется, греки Великой Греции и Сицилии, а также этруски, распространившие среди находившихся под их влиянием народов понятие *urbs*. Таким образом, италийские цивилизации следует разделить на две категории: городские и племенные. Это деление, однако, не статичное и не окончательное. Еще до римского завоевания (подставившего всюду муниципальную концепцию на место племенной идеи) «племенные» цивилизации обнаруживают тенденцию к урбанизации в результате как контактов с «городскими», так и собственного развития. В этой связи докладчик указывает на работы А. Ла Регина, М. Паллотино (отметившего роль города в этногенезе) и Э. Серенни (давшего марксистский анализ «диалога город—деревня» и показавшего, что деревня не была аморфной, но имела собственные структуры, взаимодействовавшие с городскими).

Весьма плодотворна для понимания италийских цивилизаций также высказанная С. Мадзарини в 1946 г. идея культурной койны. Интенсивные контакты (торговые и иные) связывали между собой греков, этрусков, латинян, сабинян, самнитов и др. в общем развитии их цивилизации. Нашли отклик в Италии и события более далекие и охватившие все Средиземноморье (падение монархии и установление тирании). Ряд новых работ рассматривает различные проявления и последствия общего политического кризиса VI в. до н. э., затронувшего многие города: Тарквинии, Тускул, Кумы, Рим и др.

Во второй части доклада подводятся итоги сегодняшнему этапу изучения различных типов цивилизаций (греки и этруски; латиняне; самниты и сабеллы).

Исследования греческих городов Южной Италии и Сицилии ведутся очень интенсивно. С 1961 г. в Таранто происходят ежегодные «*Convegni di Studi sulla Magna Graecia*». В Палермо издается Журнал «*Kókalos*». Проблема состоит в том, чтобы выявить специфически италийские черты здешнего эллинизма. Природные условия благоприятствовали расцвету западноэллинической культурной койны. Можно ли говорить о вкладе местного населения в эту культуру, об «итализации» греческих колоний? Если утвердительный ответ на этот вопрос остается еще предположительным, то эллинизация местного населения стала предметом нескольких исследований. Несомненно также высокий престиж Тарента среди самнитов в IV в. до н. э.

Распространителями городской цивилизации (как и влияния ориентализирующего, ионийского и аттического искусства) в Италии были, наряду с греками, и этруски. 12 «народов» этрусской конфедерации неотделимы от давних им названия городов, основанных *Etrusco ritu*. Этруски распространили среди своих соседей и в своих «провинциях» Кампании и долины По собственный идеал города, политический и архитектурный. В 1968 г. в Болонье и Ферраре проходил специальный colloquium «Этрусский город и доримская Италия». Докладчик упоминает в этой связи также исследования Г. Скалларда и Н. Н. Залесского.

Переходя к латинянам, для которых первоначально была характерна федеральная организация, но которые вскоре образовали *urbs*, докладчик излагает основные положения исследований Э. Гьерстада, П. де Франчиши, А. Альфельди о древнейшем Риме. Большую роль в развитии Рима сыграл период этрусского завоевания. Рим и после ухода Тарквиниев остался суверенным городом, хотя и посылал ежегодно своих магистратов на обещательные праздники.

Что касается самнитов, сабинян, сабеллов, то докладчик прежде всего рассматривает понимание этих этнонимов в современной науке. Структуру самнитского общества докладчик характеризует, основываясь на монографии Э. Т. Салмона³. Самниты не знали названия для города, но лишь слово *touto* — «народ». Они жили деревнями, ведущая роль в стране принадлежала нескольким богатым семействам. Политическая организация племен, возможно, испытала на себе влияние Тарента. В случае войны

³ См. рец. А. И. Немировского в ВДН, 1968, № 4, стр. 168 сл.

общая политика четырех племен определялась самнитским союзом. Союзническая война 90 г. до н. э. дала толчок федеративистским устремлениям самнитских и сабелльских племен, противопоставив воплощавшему Рим муниципальному устройству федерацию племен Италии.

В докладе одного из крупнейших знатоков ранней истории Италии Жака Эргона, говорит А. И. Немировский (СССР), речь идет о принципах подхода к изучению италийских цивилизаций и о состоянии изучения двух главных очагов урбанизации — греков и этрусков. Не следует, однако, упускать из виду, что урбанизация Италии была социальной революцией — город представлял новую общественную формацию, а деревня являлась носителем отживающих родоплеменных отношений. В этой связи А. И. Немировский, полемизируя с П. де Франчиши, утверждает, что не *domus* и не *familia*, а *gens* и *vicus* были исходными единицами общественного устройства Рима. Отметим значение исследований С. Мадзарино и Э. Т. Салмона, А. И. Немировский также спорит с ними по отдельным вопросам.

В. Д. Блаватский (СССР) высоко оценивает доклад и хочет внести лишь несколько дополнений и уточнений. Указывая на роль различных компонентов в сложении римской цивилизации, интересно было бы проследить и их дальнейшую судьбу. Римская цивилизация, подчеркнул он, не была эклектическим соединением разрозненных элементов, но мощным единством, в создании которого италийцы сыграли большую роль. В связи с упоминанием в докладе Гипподамовой планировки, В. Д. Блаватский говорил о ее предшественниках в Северном Причерноморье и Великой Греции. Он остановился также на вопросе об этруском периоде в истории Рима.

Выступивший затем Н. Н. Негматов (СССР) рассказывает о найденной в 1967—1969 гг. при раскопках царского дворца VII—IX вв. н. э. в столице Уструшаны г. Бунжикате (Северный Таджикистан) настенной живописной композиции с изображением эпизодов легенды о Ромуле и Реме. Н. Н. Негматов считает, что этот сюжет имел ирано-туранское происхождение, через Малую Азию и этрусков он пришел в Рим, а затем вернулся через Византию в Иран (сасанидские геммы) и Центральную Азию (уструшанские фрески). Время этого круга — I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

С. Мадзарино (Италия) прочитал доклад «Изменение воззрений на классическую античность в XIX в.» (S. Mazzarino, *Il mutamento delle idee sull' „antichità“ classica nell' Ottocento*).

Хотя традиционное презрение к «антиисторизму» XVIII в., говорит докладчик, отходит в прошлое, XIX в. остается для нас веком превращения классической филологии в историческую науку. Насколько же изменился весь образ мыслей сравнительно с XVIII веком? Ведь уже Вико стремился превратить филологию в историю. И насколько происшедшее изменение было однозначным?

Сам XIX век связывал изменение воззрений на античность с именем Нибура, который положил начало изложению римской истории как «прогрессирующего процесса», удовлетворив тем самым потребность во «внутреннем и органическом единстве».

На примере сопоставления трактовки некоторых вопросов (история плебса, история центуриатного деления, происхождение законодательства XII таблиц и др.) в работах Вико и Нибура докладчик показывает, что «критицизм» Вико шел дальше нибуровского, превосходящая наиболее радикальные («негативные») тенденции после нибуровского даже времени и воспринимая историю цикла языческой античности в плане прямолинейной эволюции. Нибур (в одном из своих предисловий) провозглашал принципы, отличавшие (особенно в германской науке) новую эпоху от предшествовавшей, призывая покончить с поверхностностью, покончить с деструктивным подходом, стремиться к точности и ясности в изучении древней истории.

Итак, приписывая Нибуру (или его времени) создание «генетического метода», допускают неточность. Этот подход был уже у Вико, но доведенный до крайности. до «геометризма», чуждых нибуровскому перевороту в науке. Далее, в наследии XIX в. мы находим два различных вида критицизма и ныне, завершая дело XIX в. в исследовании античности, мы ощущаем еще в собственной методике противоречия, впрочем, плодотворные.

Исследователи трудов Нибура, говорит далее докладчик, обращают внимание на его «универсализм» и на интерес к аграрным и социальным проблемам. Оба эти аспекта взаимосвязаны: римские *possessio*, *vectigal*, аренда были осмыслены Нибуром (как он сам сообщает) через современные ему индийские аналогии. Таким образом, понятие античности у него расширяется, охватывая весь Восток. Подход Нибура в равной мере характеризуется «историзмом» (поскольку он направлен на характеристику особой исторической фазы) и «социологизмом» (поскольку он указывает на типологию определенной социальной формы).

Метод «аналогий» (характерный и для Грота, который, между прочим, читал и почитал Вико) коренится в манере мыслить античность в категориях исторических сопоставлений. Оппозиция такому образу мыслей заслуживает внимания. Она исходит прежде всего от Рубино, который апеллирует к идее «нации» (близкой и самому Нибуру):

историк должен впитывать «народную мысль», а для этого избегать «произвольных аналогий». Вопрос, в конце концов, принимает такую форму: безгранична ли возможность привлечения аналогий или ограничивается лишь близкими народами? Научную основу для такого ограничения дало открытие индоевропейского лингвистического единства. (Моммзен призывал к изучению римских, греческих и германских «примитивных» учреждений в их становлении.) Сейчас мы знаем, что подобное ограничение само имеет силу лишь в известных пределах, но, во всяком случае, оно характеризовало стремление посленибуровского XIX в. вступить в область «историзма» (как его стали называть позднее).

Все это, полагает докладчик, позволяет считать, что современная проблема — «история культуры или история культур?», — хотя и не стояла перед историками XIX в., но в известном смысле начала вырисовываться уже тогда.

Новая концепция филологии (развитая Бекон), говорит затем С. Мадзаринно, представляла изучение античности как живую науку — в противовес старому «безжизненному познанию». «Дух Нибура» мог продолжать жить лишь в таком направлении мысли, которое снимало с античности покров святости с тем, чтобы ярче выявить ее ценности. Место мифов заступали гипотезы — эта тенденция перешла и в нашу науку. С реакционных позиций ее критиковал Герлах (1793—1876), чья критика «плоского либерализма» и «материализма» (возводимых им к «философам с берегов Сены») оказывалась обращенной не только против Моммзена, но (замечал ли это сам Герлах или нет) и против родоначальника критического исследования — Нибура. Более серьезным критиком Моммзена и Нибура был Мадвиг, противопоставлявший гипотезам «естественность» и «правду» (он стал изучать социальную основу конституционных установлений). В различной постановке вопросов историками первой половины XIX в. отразились разные интерпретации общественной и политической действительности: гегелевская диалектика или чистая идея органического развития, своего рода дедуктивный метод или критика источников.

Поражение революции 1848—1849 гг. обозначило новый переломный момент. Иллюзии пали, акцент был перенесен на «действительность» соотношения сил, умы склонялись к материалистическому пониманию мира. В сфере осмысления классической древности наметились два направления: к пессимистическому осуждению «Macht» и поискам убежища в новом индивидуализме (Бурхард) или к настойчивому требованию последовательной научности (например, детерминизм Беллоха).

Докладчик задается вопросом о времени историографического осознания долгой работы, которую он называет «изменением воззрений на античность». Это впервые было сделано, полагает он, в работе Де Руджеро «Исследования римского публичного права от Нибура до Моммзена». (Между прочим, Де Руджеро расценивал «Staatsrecht» как произведение преимущественно историческое, тогда как мы сегодня считаем его «систематизирующим».)

Большая проблема второй половины XIX в. сводилась к поискам системы, которая, оставаясь «системой», сохраняла бы идею развития. В этой связи докладчик характеризует основные направления исторической науки этого периода, указывая на их развитие в науке XX века — до современной марксистской историографии, с одной стороны, и начинающегося с Ницше «кризиса историзма», с другой.

История «изменения воззрений прошлого века», считает докладчик, показывает, что современное научное — вне пессимизма и оптимизма — видение античности основывается на опыте и трудах XIX века.

Выступивший в прениях И. Ирмшер (J. Irmscher, ГДР) поставил вопрос о причинах подъема науки о классической древности в конце XVIII первой половине XIX в. Эта наука, подчеркивает И. Ирмшер, дала оружие в руки французской революции, и буржуазия, пока была прогрессивной, использовала этот арсенал. Стоит вспомнить и о неогуманизме, который давал буржуазии эталоны общественных деятелей. Отсюда — направленность классических штудий, их широкое влияние. Утеря буржуазией революционной роли также отозвалась в историографии: гуманистический принцип подбора сменяется позитивистским принципом полноты, подготовка источников заслуживает собой их оценку, частности — общую связь. Все это сказывается в уменьшении общественной роли ученых-антиковедов. Может ли сейчас наука о древности вновь занять свое место в борьбе за общественный прогресс? Постановка такого вопроса ободряет нас и обязывает.

М. Паван (M. Pavan, Италия) говорил о значении преемственной связи между идеями XVIII и XIX веков и прежде всего о значении работ Дж. Вико, предшественника критицизма.

А. И. Немировский (СССР) охарактеризовал доклад как весьма интересную попытку показать развитие исторической мысли от XVIII к XIX в. на примере науки об античности. Это развитие, отмечает А. И. Немировский, было связано с политическими событиями времени. Недаром Фюстель де Куланж, выступавший с враждебных революционному движению позиций, выдвинул, так сказать, политические обвинения против метода аналогий. А. И. Немировский сделал также несколько частных заме-

чаний: о Вико, который ему представляется не характерной для XVIII в. фигурой (можно было бы взять для примера кого-нибудь из продолжателей школы эрудитов), об общем влиянии французской историографии XIX в. (хотя она и не создала крупного труда об античности) и о том, что гиперкритическое направление идет уже от самого Нибура.

На заседании 21 августа первым обсуждался доклад *А. Гарсия-и-Бельидо* (Испания) «Социальные проблемы урбанизма в античном Средиземноморье» (*A. Garcia y Bellido, Problemas sociales del urbanismo en el area Mediterranea durante la edad Antigua*).

Задача доклада — показать на нескольких примерах, как проявлялся в самом складе города социальный состав античной городской общины. Хотя среди древних городов докладчик различает «естественно возникшие» и «задуманные», однако социальные аспекты города (размещение бедняков или ремесленников на территории города и т. п.) в античности никогда не были предметом сознательного планирования.

Уже на заре древнегреческой истории, в эпоху неолита, считает докладчик, существовал «весьма характерный тип города» (Димитри, Мальти — III тыс. до н. э.), нашедший себе продолжение в крито-микенских городах (Микены, Тиринф, Гурния). Резкий контраст между огромными пышными царскими дворцами и окружающими их бедными и беспорядочными поселениями, выросшими под их сенью, свидетельствует о социальном строе, основанном на простой концепции *dominus—subditus*, т. е. о системе абсолютной династической монархии, деспотической и в то же время патриархальной, противостоящей аморфной массе подданных.

Переходя далее к Афинам, докладчик приводит результаты современных подсчетов их населения (для IV в. до н. э. он принимает 155—165 тыс. человек — из них около 50 тыс. граждан, 70—80 тыс. рабов, прочие — метеки) и кратко говорит о ремесленных кварталах и об организации ремесла. Но, добавляет он, у нас нет данных, которые позволили бы судить о том, как эта пестрота населения отражалась в организации города. Докладчик отмечает, что Акрополь, где когда-то жили граждане, превращался в нежилую священный район, растущим центром городской жизни стала агора, в целом же Афины (даже в эллинистическую эпоху) сохраняли свой (характерный вообще для городов континентальной Греции) облик: беспорядочность застройки, узкие кривые улицы и т. п. Недифференцированность застройки Афин, по мнению докладчика, соответствовала демократическому характеру правления и отсутствию «капиталистического» хозяйства со свойственной ему глубокой классовой дифференциацией.

Для Делоса докладчик отмечает прежде всего существование двух районов: общественного — в основном торгового — и «частного» (расположенного выше и дальше от моря), беспорядочно застроенного богатыми домами; для Александрии — пестроту этнического и классового состава населения, а также разницу между царским, парадным городом и торговым, портовым.

Население мелких и средних античных городов было невелико. Экономика такого города, как правило, зависела во многом от земледелия, а дома составляли собственность обитателей. Но в крупных многолюдных городах, мировых столицах (Александрия, Антиохия, Рим) условия жизни были иными. Такие города привлекали аморфную массу всякого рода пришельцев: праздного люда, иноземцев, солдат, отлученников, авантюристов, торговцев, ремесленников и т. п., которые коренным образом изменили социальную структуру города, а с ней и весь его облик.

В Риме проблема нехватки жилья возникла очень рано (предоставление Авентина плебеям в 456 г. в. до н. э.), а с бурным ростом города (во времена Цезаря — около 800 тыс. чел., в середине II в. н. э. — около 1,5 млн.) стала важнейшей. При этом отсутствие средств сообщения обусловило концентрацию населения во внутренних кварталах города. Возникла спекуляция земельными участками, приведшая к строительству многоэтажных жилых домов (во II в. до н. э. уже три этажа и выше).

Для времени Империи мы располагаем и цифрами. В середине IV в. н. э. в Риме было около 46 тыс. «инсул»⁴, из них в центральных кварталах 8822, т. е. в среднем 106 на га (в периферийных кварталах — до 27 на га). Докладчик приводит и данные о ценах на землю в городе. Попытки императоров ограничивать этажность и высоту зданий оставались безуспешными. Докладчик рисует яркую картину полной неудобств жизни в перенаселенных кварталах Субуры, Аргилета, Велабра с их извилистыми улицами, подъемами и спусками, переулками и тупиками, названия которых часто давались по ремеслу обитателей. Здесь скоплялись и те «подонки мира», о которых писал Лукан (VII, 405). В отличие от «простонародных» кварталов с их *insulae* и «жилыми» (*inquilini*), аристократические районы состояли, главным образом, из просторных одноэтажных особняков (*domus*), рассчитанных на одну семью (с рабами). В Риме в IV в. их было 1790 и располагались они, в основном, в периферийных кварталах. Эта схема (отражающая деление общества на *honestiores* и *humiliores*), конечно,

⁴ Докладчик оговаривает (со ссылкой на L. Homo, *Rome impériale et l'urbanisme dans l'antiquité*, P., 1951, стр. 638 сл.), что счет «инсул» велся не по зданиям, а по входам и лавкам, открывавшимся на улицу.

очень груба. Нам известны и знатные люди, жившие в бедных кварталах, и богачи, сдававшие беднякам подсобные помещения (*tabernae*) в своих домах, и т. п.

Общественная и официальная жизнь имела свой центр: форумы, Капитолий, Марсово поле, Палатин.

Говоря о Риме, часто привлекают материалы Остии. Но Остия, жившая торговлей и морем, не знала таких резких социальных контрастов — аристократия (политическая и денежная) здесь не жила. Население Остии достигало 40—42 тыс. человек (из них около 36 тыс. в писулах). Раскопками раскрыто около 800 таберн, что позволяет составить представление об образе жизни ютившихся там торговцев и ремесленников.

В. Д. Блаватский (СССР) в своем выступлении отметил, что доклад дает яркую картину античного города в его историческом развитии. В этой связи интересны данные из Причерноморья, которые могут служить дополнением к средиземноморским. На примере Пантикапея хорошо прослеживается процесс изменений в социальном составе населения: для VI в. до н. э. зерновые ямы указывают на значительное число земледельцев, для V в. до н. э. — I в. н. э. — никаких следов земледелия нет; во II веке н. э. в торгово-ремесленном городе появляются скромные следы земледелия, а для времени после готского нашествия (III—IV вв. н. э.) многочисленные зерновые ямы указывают на процесс рустификации города при сохранении ремесла. Очень характерны — на фоне террасной планировки Пантикапея — жилища бедняков, ставивших свои небольшие дома нередко прямо на склоне.

Ж. Валле (G. Vallet, Франция) подчеркнул условность деления античных городов на «естественно возникшие» и «запланированные». В греческих городах Сицилии правильная планировка одних элементов города сочетается с беспорядочной застройкой других районов.

А. И. Болтунова (СССР) говорит о насыщенности доклада фактическим материалом и обобщениями — особенно удачен очерк императорского Рима. Но, к сожалению, докладчик не связывает последовательно развитие городов с общим социально-экономическим развитием, с историей классового общества. В этой связи *А. И. Болтунова* делает несколько замечаний: укрепленные поселения позднего неолита — Мальти и Димини (XXVIII в. до н. э.) еще нельзя считать городами; в докладе нет определения полиса как города-государства, в отличие от *асты* ахейского времени; эллинистические города (Александрия), в свою очередь, коренным образом отличались от классического полиса тем, что их обитатели, группируясь по этническому принципу в общины, жившие каждая своими законами и обычаями, были не полноправными гражданами, а подданными царя.

К положительной оценке доклада присоединился и *А. Г. Бокщанин* (СССР). Он, однако, считает, что полезно было бы привлечь для сравнения материал причерноморских городов. Удивляет, что докладчик оставил без внимания недалекий от Испании Тимгад — образец позднеримской застройки. Жаль также, что в стороне остаются раскопки в Восточном Средиземноморье (Саламин Кипрский, Эфес). Несколько замечаний *А. Г. Бокщанина* касались Александрии: деление населения по национальному признаку было связано с социальной дифференциацией (можно отметить дискриминацию сельского египетского населения); паразитическое пассивное население для Александрии (в отличие от Рима) нехарактерно.

К. П. Коржева (СССР) говорит о желательности большего привлечения историко-экономического материала, в частности, связанного с возникновением городов. В этой связи она останавливается на работах советских исследователей.

Т. В. Блаватская (СССР) считает заслугой докладчика постановку вопроса о древнейших корнях греческого города, восходящих к III тыс. до н. э. Поселения типа Димини и Мальти могли бы быть названы «прото-городами». Такое понятие лучше указало бы на длительность многовекового процесса формирования города (но прото-города — не «убежища» племен, как полагает *А. И. Болтунова*). Переходя непосредственно к ахейскому городу, *Т. В. Блаватская* находит, что докладчик проводит слишком резкую грань между обитателями царского дворца и прочим населением. В качестве одной из промежуточных групп, положение которой было не столь принижено, можно назвать ремесленников. Не совсем верен тезис о стихийном возникновении ранних городов — много внимания уделялось выбору укрепленного места.

Затем выступил *О. Макконен* (Финляндия) с докладом «Что знали древние о деревьях. (Из исследования о лесном хозяйстве в древности)». [O. Makkonen, *Alter einiger Kentnisse, die wir über den Wald haben. (Excerpte von der Waldwirtschaft des Altertums)*]⁵.

Докладчик говорит о глубокой древности многих наших познаний о лесе, об использовании древесины.

⁵ В докладе излагаются результаты исследований автора, опубликованных под общим заголовком «Ancient Forestry» в «Acta Forestalia Fennica», 82, 3 и 95.

Он начинается с познаний древних в некоторых вопросах биологии деревьев. Так, уже вавилоняне знали искусственное опыление двудомных растений (финиковой пальмы). Впоследствии об этом писали (применительно также к смоковнице) Геродот и Теофраст. Хотя их представления о биологии этих растений не во всем верны, но говорят о тонкости наблюдений, а сравнивая сочинения Геродота и Теофраста, можно заметить прогресс знаний.

Попутно докладчик делает несколько замечаний о древней Месопотамии. Он связывает с финиковой пальмой происхождение вавилонской меры объема *кур* — первоначально так называлась корзина, вмещающая годовой урожай одной пальмы (около 250 литров), стоимости урожая одной пальмы соответствовала и денежная единица — сикль серебра. Лесов в Месопотамии (вопреки распространенному мнению) никогда не было. Здесь на наносной почве росли только культурные деревья.

Некоторые наши знания об устройстве питомников для деревьев, об уходе за нежными растениями также восходят к древним (Катон, Варрон). Плиний Старший, касаясь вопроса о плодородии почвы, говорит, что одна и та же земля может быть хороша для одних деревьев (ель) и дурна для других. У того же Плиния докладчик находит сведения о нарушении равновесия в природе в результате деятельности людей. С этой последней проблемой связан экскурс докладчика о судьбе ливанского кедра. Вырубка лучших экземпляров на протяжении тысячелетий совершенно изуродовала это дерево, некогда прямоствольное с тонкими сучьями, а теперь сучковатое с раскидистой кроной.

Говоря о древнейших изделиях из дерева, докладчик упоминает наборный ящик из погребения времен I династии (около 3400 г. до н. э.) и деревянный предмет из захоронения дочери фараона III династии (2778—2723 до н. э.). Этот предмет оказался «фанерой» (шесть слоев разных пород, из которых лишь одна местная, слои скреплялись деревянными гвоздиками). Изготовление тонких слоев было возможно благодаря тому, что в Египте (как и в Месопотамии) издревле была известна металлическая пила. Докладчик анализирует дошедшие до нас изображения пилы (древнейшее — 2700 г. до н. э.). Для валки леса, впрочем, употреблялся только топор.

Дерево с давних пор было предметом торговли. Докладчик упоминает, что среди ценностей, привезенных из Пунта экспедицией царицы Хатшепсут, были живые мировые деревья (есть, впрочем, основания полагать, что они не прижились и погибли). Загадочны находки бересты в Египте (в частности, в погребении Тутанхамона). Откуда и как она попала в Египет, не установлено. Предметом ввоза во многие страны был ливанский кедр. В III тыс. до н. э. он сплавлялся в Месопотамию по рекам. Для постройки Соломонова храма кедры доставлялись морем (по-видимому, весельные суда тянули плоты).

Из побочных продуктов леса докладчик упоминает смолу. В Македонии в IV в. до н. э. она производилась тем же примерно способом (о нем рассказывает Теофраст), что и в наше время в Северной Европе.

Приведенные факты, заключает докладчик, показывают, что у нас нет оснований недооценивать знания древних о деревьях и их использовании в различных целях.

Б. Б. Пиотровский (СССР) дает высокую оценку исследованиям докладчика, собравшего интересные сведения из самых разнообразных источников. Привлекает хронологическая и территориальная широта охвата материала. Особенно интересен раздел о древнем Египте и Месопотамии.

В. И. Авдиев (СССР) говорит о важности выводов докладчика для вопросов об уровне экономического развития стран древности, об экономических связях между ними. В этом контексте он упоминает и недавно защищенную в Москве докторскую диссертацию Н. И. Сокольского. В заключение он кратко останавливается на данных египетских источников о различных породах деревьев и их доставке в Египет.

И. Нестор (I. Nestor, Румыния) в своем выступлении также отмечает многообразие привлекаемых докладчиком данных от древнейших времен до античности, позволяющее рассмотреть вопрос в исторической перспективе.

А. И. Немировский (СССР) отметил важность доклада с точки зрения истории природных условий и сделал несколько дополнений на итальянском материале (определение древесных пород из раскопок Этрурии; данные о лесах в безлесных ныне областях Южной Италии и Сицилии) и указал еще на один аспект темы — религиозный (списки «счастливых» (*felices*) и «несчастливых» (*infelices*) деревьев).

Обсуждение доклада **Э. Кондураки** и **Г. Стефана** (Румыния) «Восточно-романский мир» (Em. Condurachi et Gh. Stefan, La romanité orientale) открылось вводным словом Э. Кондураки.

Доклад посвящен судьбам восточно-романского мира, занимавшего обширное пространство между Адриатическим и Черным морями, Карпатами и Балканами.

Становление римского господства в этом регионе началось в III в. до н. э. войной против Тевты и закончилось во II в. н. э. войнами Траяна против последнего сильного противника — царства даков — и образованием к северу от Дуная провинции Дакия, бастиона Империи в центре «варварского» мира.

Далее авторы переходят к проблеме романизации Юго-Восточной Европы, рассматривая главные факторы этого процесса (армия, колонизация, муниципальная жизнь и административная организация территории).

Интенсивный исторический процесс вызвал глубокие изменения в экономической и социальной структуре местного населения. Римский кадастр, набор местной молодежи в римскую армию должны были сломить местные политические и социальные объединения, в то же время рост и подъем единообразно устроенных городов отражал бурное наступление римского провинциального образа жизни.

По мере укоренения римского образа жизни вырисовывались и контуры восточно-романского мира. Бывший Иллирик, разделенный к 8—9 гг. н. э. на Далмацию и Паннонию, был самой старой территорией. В первой половине II в. к нему присоединились обе Мезии и Дакция. К югу романский мир сталкивался с эллинским (Македония, Фракия). Линия разграничения шла по гребню Балкан, оставляя в стороне южную часть Верхней Мезии (с городами Ульпианой и Скупи) и область Понта. Местное население областей, не затронутых эллинским влиянием, было полностью интегрировано римским миром — не только административно и экономически, но и в аспекте цивилизации и языка.

В период кризиса 235—284 гг. дунайские провинции подверглись набегам карпов и готов. Аврелиану удалось восстановить дунайскую границу и обеспечить консолидацию римской жизни в течение последующих веков. Но для этого пришлось в 271 г. покинуть Траянову Дакцию. Римская армия, администрация и часть господствующего класса ушли на правый берег Дуная, большая часть сельского населения и городского плебса, однако, осталась на месте.

Для Империи потеря Дакции означала ослабление экономического потенциала и политического престижа, но романский мир как таковой продолжал существовать в прежних границах, изменились лишь условия его развития. Районы к северу от Дуная оказались под господством сменявших друг друга варваров, но смогли выстоять и развиваться благодаря многочисленным связям с балканской зоной.

В IV в. улучшение военного и политического положения латиноязычных балканских провинций влечет за собой и экономический подъем. Дунайские города становятся важными военными и политическими центрами, а также центрами обмена между римлянами и населением «варварского» мира. Этому способствует выдвижение Иллирика как стратегически важной зоны, связывающей Восток и Запад. Сирмий, Наисс, Сердика становятся временными резиденциями императоров. Именно в этот трудный период восточно-романский мир демонстрирует исключительную жизнеспособность и становится главной военной опорой Восточной Империи (может быть благодаря особенностям аграрного строя). Отсюда выходят многие военачальники и администраторы, в том числе императоры Аврелиан, Диоклетиан, Галерий, Константин, позднее Юстин I и Юстиниан. Константин I и два века спустя Юстиниан пытаются вновь распространить свое влияние на районы севернее Дуная.

Административные реформы Диоклетиана, разделение Империи 395 г. поделили и восточно-романский мир на две зоны: далматскую, обращенную к Западу, и дунайскую, административно связанную с Востоком, но по-прежнему латинскую по культуре и языку. Это привело к образованию двух романских народов: далматского (впоследствии ассимилирован славянами) и румынского. Между этими двумя зонами в труднодоступном районе сформировался албанский народ — остаток не романизованного автохтонного субстрата.

В V и VI вв. провинции латинского Иллирика понесли большие потери от гуннов и аваров. С этого времени, видимо, начинается уход населения в горы или к укрепленным городам Дуная. Но, как свидетельствует ономастика, романский мир продолжает существовать.

Латынь, как показывают источники, оставалась разговорным языком населения. Важная роль в сохранении восточно-романского мира принадлежит христианству. С ослаблением авторитета Империи церковь становится основной силой, сплачивающей этот мир. Опираясь на местные военные силы, епископы часто брали на себя политические миссии как в отношениях с варварами, так и с представителями Империи. Из южнодунайского района христианство проникает в среду романского населения к северу от Дуная. С образованием архиепископства Iustiniana Prima (535 г.) христианские общины, созданные в IV в. населением бывшей Траяновой Дакции, получают официальную поддержку церкви.

О романском характере Иллирика в VI в. свидетельствует и топонимика.

Итак, восточно-романскому миру удалось, несмотря на трудности, сохранить свои позиции как к югу, так и к северу от Дуная. Столь долгое сохранение романского элемента в карпато-адриатическом районе авторы доклада объясняют тремя факторами: 1) наличием единого фрако-иллирийского субстрата; 2) социально-экономической структурой с преобладанием сельских черт (рурализация жизни римских провинций была общим явлением, с ней связано и изменение характера романизации — в I—III вв. городского, с IV в. сельского); 3) тем, что ни готы, ни гунны, ни авары не колонизовали этих территорий. Местные жители чувствовали себя настоящими римлянами — они жили

в Romania и говорили на романском языке. Прошлое прочнее связывало их со старым Римом, чем с новым, основанным Константином.

Последний раздел доклада посвящен судьбам восточно-романского мира после появления на Балканском полуострове славян, прочно обосновавшихся здесь (в отличие от германских и кочевых племен). К югу от Дуная значительная часть фрако-романского населения была ассимилирована славянами. Отдельные группы ушли на северный берег Дуная или в горы (их потомками были балканские вlahи и далматы адриатического побережья, окончательно славянизировавшиеся лишь в прошлом веке). К северу от Дуная, напротив, дако-романское ядро, усиленное элементами, пришедшими с юга, ассимилировало славян, образовав новый народ, по-прежнему говоривший на романском языке, т. е. румынский народ и румынский язык.

Прения начались выступлением Ю. К. Колосовской (СССР). Она соглашается с рассмотрением дунайского региона как определенного комплекса и его романизации как единого процесса, с объяснением роли Иллирика в III—IV вв. его социальной (прежде всего аграрной) структурой, с оценкой роли христианства. В поздней античности христианство, отмечает Ю. К. Колосовская, единством веры заменяло распадавшиеся связи гражданских коллективов. Но оно должно было обращаться к населению не только на латинском, но и на местных (иллирийском и фракийском языках), которые, как недавно напомнил А. Мочи, существовали и в III в. К сожалению, докладчики вообще рассматривают романизацию лишь в ее римском ракурсе, оставляя в стороне вопрос о воздействии варварской периферии. Без учета этого не может быть полностью решена и проблема континуитета, занимающая докладчиков. Что касается влияния римского наследия на образование современных наций, то, придавая римскому периоду определяющее значение, не обедняем ли мы весь последующий исторический процесс?

В. Велков (Болгария) полагает, что желательно было бы развить мысль о различиях между западно-романским и восточно-романским миром и обратить внимание на уровень романизации в различных провинциях. Он говорит о громадном количестве племен, прошедших через территорию восточно-романского мира (включая Дакию) или осевших в ней; они не могли не оказывать влияние на процесс романизации. В. Велков указывает также на стойкость местных (в частности фракийских) элементов в глубинных районах, на засвидетельствованное надписями смешение этнических групп, на сохранение местных традиций в религии.

По мнению С. Б. Бернштейна (СССР), степень романизации Дакии в докладе несколько преувеличена. В IV—V вв. Дакия стала ареной опустошительных движений кочевников, отсюда — крайняя неустойчивость этнографической карты этих мест. В равнинных районах страны романский элемент, полагает он, сохраниться не мог, и вопрос лишь в том, на Балканском ли полуострове или в горах Трансильвании этот элемент сохранился. С. Б. Бернштейн сейчас считает, что романский элемент в Дакию пришел через Паннонию из Норика (на самом Балканском полуострове очагом романизации была Далмация). С. Б. Бернштейн остановился также на роли славянских языков в формировании румынского (со ссылкой на работы Э. Петровича) и сделал нестыка археологии в изучении этнической истории).

Д. Берчу (Румыния) говорит о том, что элементы романизации и собственное развитие народов — конкретная реальность. Далее он развивает мысль об исторической роли романизации в возникновении румынского народа. Романизация Дакии привела к распространению более высокой цивилизации среди местного населения, но оно было уже подведено к этому всем внутренним развитием Дакии. Археологические данные, надписи и письменные источники свидетельствуют о формировании здесь дако-романского ядра. Влияние романизации было особенно сильным перед лицом варварского окружения. Уход римской администрации из Дакии не прервал этого процесса: объективные требования продолжавшейся жизни содействовали романизации сельского населения, которое стало носителем континуитета. Существенную роль в этом процессе играло христианство. К VII—VIII вв. становится очевидным, что романский элемент здесь выстоял.

Д. Кранджалов (D. Krandžalov, Чехословакия) напоминает о том, что происхождение румынского народа составляет предмет двухвековой дискуссии. Доклад отражает автохтонистскую точку зрения и ничего не говорит о существовании иммигрантской. Последняя опирается на показания письменных источников об уходе романизованного элемента в Траянову Дакию прежние миграционисты датировали XIII в. Наиболее убедительна, по мнению Д. Кранджалова, «адмигрантистская» точка зрения румынского ученого А. Филиппида, который датировал XIII веком не начало, а конец переселения румын, начало же относил к VII в. и учитывал роль романизованных элементов, оставшихся в каком-то количестве в Дакии. Д. Кранджалов отвергает также теорию единого «проторумынского» языка.

Б. Митря (B. Mitrea, Румыния) целиком согласен с выводами доклада. Разделяя мнение авторов о двух этапах романизации Дакии, Б. Митря хотел бы указать на еще

один этап — «подготовительный». В этой связи он анализирует денежное обращение доримской Дакки, пользовавшейся римской монетой еще в I в. до н. э. (за два века до завоевания).

П. В. Советов (СССР) отмечает, что доклад дает возможность говорить о трех этапах истории восточно-романского мира: 1) фракийском и гето-дакийском; 2) периоде романизации; 3) периоде контакта со славянами. П. В. Советов кратко останавливается на последнем этапе, который он предпочитает называть периодом романо-славянского синтеза, и на происхождении волохов. Для времени после X в. нужно выделить новый этап славяно-волошского синтеза, когда складывается молдавская народность.

Н. Гостар (Н. Gostar, Румыния) остановился на характеристике археологических памятников, данные которых дают возможность говорить о романизации для времени после IV в.

Д. Б. Шелов (СССР) говорит, что в докладе ярко показаны процесс романизации обширных территорий в Нижнем Подунавье и стойкость римского элемента. Для решения вызвавшего здесь полемику вопроса о континуитете романских элементов в ходе позднейшей истории этого района, полагает Д. Б. Шелов, материал, привлеченный докладчиком, недостаточен, но вряд ли их точка зрения может быть оспорена в том, что касается судеб римских установлений в Иллирике, Мезии, Паннонии и Дакки на протяжении античной эпохи (хотя теория единого фрако-иллирийского субстрата как главного фактора, обеспечившего быстрые успехи романизации, недостаточна). Д. Б. Шелов подробно остановился на значении этих провинций как центра распространения римского влияния на соседние земли Восточной Европы — в особенности на Северное Причерноморье.

И. Нестор (Румыния) поддерживает основные положения докладчиков, но считает, что их можно упрекнуть в недостаточном внимании к проблеме «варваров». Варвары селились в восточно-романском регионе и «легально» и насильственно. Однако, они никогда не вызвали полный уход романского населения (эта точка зрения устарела), а сосуществовали с ним, вступая в контакты. Территории, занятые варварами, были немногочисленны. Лишь небольшая часть их осталась около г. Томп, большинство покидало провинцию. К концу IV—V в. основная масса варваров уходит на Запад.

К. Хоредт (Румыния) сделал некоторые дополнения к докладу, основываясь на археологическом материале. Так, говорит он, для области к северу от Дуная взаимодействие между даками и римскими колонистами прослеживается уже для времени за два века до создания провинции и продолжалось позднее. Обращает на себя внимание отсутствие следов пожаров и разрушений в памятниках Дакки. Археология свидетельствует о сильной романизации культуры и духовной жизни местного населения. Позднее некрополи и могильники указывают на очень длительное существование этого римского влияния.

Обсуждение доклада Масао Мори (Япония) «Политическая структура древнего государства кочевников в Монголии» (Masao Mori, Political structure of the ancient nomadic state in Mongolia) состоялось в отсутствие докладчика.

Доклад М. Мори посвящен одной из крупных кочевых держав, возникавших и распадавшихся на территории Монголии — тюркскому каганату (Восточно-Тюркскому государству) 552—744 гг.

М. Мори начинает с вопроса о политической структуре Первого каганата (552—630). Власть кагана он считает сакральной. Характер церемонии посвящения в каганы позволяет автору предположить, что первый правитель клана Ашина (к которому принадлежали правители Тюркского государства) был шаманом. Древняя тюркская легенда говорит, что правитель племен обычно был кузнецом, существующая в шаманизме связь между шаманом и кузнецом побуждает автора видеть основу власти кагана в «магически-харизматическом» влиянии шамана-кузнеца.

Тюркское государство было конфедерацией племен, ядро которой составляла группа кланов (Ашина, Ашиде и некоторых других). Автор дает краткий обзор истории каганата и заключает, что в Тюркском государстве, наряду с каганом, чья резиденция находилась в Огюкен-йыш, существовало несколько каганов. Будучи «феодальными» владыками и имея свои лены внутри государства, они эксплуатировали подчиненные им племена и кланы, враждовали между собой, ослабляя центральную власть. Вторым важным титулом после кагана был *шад*. Шиб-кагану (609—619), видимо, удалось уменьшить число соперничающих каганов и поставить на их место в различных районах подвластной ему территории своих кровных родственников в качестве феодальных владетелей-шадов. Таким образом, Тюркское государство из децентрализованного феодального превратилось в централизованное и достигло высшей точки своего могущества (чему способствовали также гражданские войны, сопутствовавшие падению династии Суй и воцарению династии Тан в Китае).

Далее автор доклада кратко характеризует политическую структуру Второго каганата (682—744). Это также была конфедерация племен, подчиненных клану Ашина. Группы племен объединялись под властью крупных феодальных владетелей

ябгу (или *шаб*). Ниже стояли обязанные им данью и военной службой племенные владетели (*бег*). Эти племена, в свою очередь, подразделялись на более мелкие. Существовали и другие формы зависимости племен (особенно периферийных), некоторые из них пользовались относительной независимостью.

В заключение автор доклада останавливается на классовой структуре Восточно-Тюркского государства. Он выделяет два главных класса: *бегов* — крупных владельцев скота (из этого класса выходило правящее окружение кагана: *тарханы*, *бюруки* и др.) и *будун* — рядовых кочевников (они вели собственное хозяйство, имели собственность и право носить оружие). Класс рабов (*кул*, *кюнг*) состоял из домашних рабов, челяди бегов.

Прения открыл Г. Г. Стратанович (СССР). Доклад М. Мори, сказал он, принадлежит к серии исследований японских ученых в области истории Монголии. Доклад учитывает этнический состав населения Монголии в середине I тыс. и огромную в это время (значительную и позднее) роль тюрков, государству которых он и посвящен. (Этническая территория монгольских народов располагалась тогда дальше к востоку.) Г. Г. Стратанович остановился на вопросах о титулатуре тюркского раннеклассового общества и о военно-территориальном делении у тюрков. В заключение он отметил недоказанность некоторых положений доклада, в частности, об извечности номузма у тюрков.

Х. Перлээ (МНР), соглашаясь с положениями докладчика о племенном составе Тюркского каганата и феодальном характере общества, высказывает сожаление, что докладчик недостаточно осветил вопросы о формах феодальной собственности на землю и скот в кочевых условиях, о классах и классовой борьбе, о борьбе внутри правящей верхушки, о борьбе тюрков с чужеземными захватчиками. В числе задач, стоящих перед исследователями, Х. Перлээ упоминает изучение этногенетических процессов, культурных и этнических контактов у кочевых племен, выяснение социально-экономических причин возвышения тех или иных государственных образований, равно как и миграций народов за пределы Центральной Азии. Он информирует слушателей о разработке этих проблем учеными МНР, а также о находке монгольскими археологами новых рунических надписей, которые могут пролить свет на вопросы социально-экономического строя древних тюрков.

Л. П. Потапов (СССР) говорит об интересе советских ученых к истории древних тюрков, с которыми связаны своим происхождением многие народы нашей страны. Он сделал также несколько замечаний в связи с тезисами доклада, главным образом, по вопросам о шаманизме и об источниковедческой базе доклада.

С. Г. Кляшторный (СССР) начал свое выступление с характеристики основных положений доклада (о сакральном характере власти; о развитии каганата из децентрализованной феодальной монархии в централизованную; о классовом делении, налагающемся на племенную структуру). Недостаток доклада, по его мнению, в том, что эти главные вопросы слабо увязаны между собой. С. Г. Кляшторный рассказывает об одном из недавно открытых монгольскими и советскими археологами каменными памятниками. Он написан от имени Таспар-кагана, из него мы узнаем о попытке ввести буддизм. Новый памятник опровергает версию о кагане-шамане. Из него, однако, видно, что каган один считался имеющим право на непосредственное общение с божеством. Вырисовывается картина более сложная, чем в докладе (и чем при взгляде на кагана как только на военного вождя).

Конгресс закрылся 23 августа пленарным заседанием в Актовом зале Московского государственного университета на Ленинских горах. Собравшиеся выслушали доклад В. Н. Лазарева (СССР) «Искусство в средневековой России и Запад».

В заключение конгресса перед делегатами выступили президент МКИН Поль Арсен (Бельгия) и академик А. А. Губер (СССР), избранный президентом Международного комитета исторических наук на следующее пятилетие.

В. М. Смирин

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЮЛИЙ ПАВЕЛ
ПЯТЬ КНИГ
СЕНТЕНЦИЙ К СЫНУ

IULII PAULLI
SENTENTIARUM LIBRI V

*

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ
Е. М. ШТАЕРМАН